

Михаил
Бару

**Скатерть
английской
королевы**

Михаил Бару

Скатерть английской королевы

«НЛО»

Бару М. Б.

Скатерть английской королевы / М. Б. Бару — «НЛО»,

Как скатерть, вышитая в поселке Кадом, оказалась на столе английской королевы? За что Мичурина исключили из пронской гимназии? Почему помещик из Елатьмы решил улететь на Луну и чем это закончилось? Продолжая художественное исследование российской глубинки, начатое в книге «Непечатные пряники», Михаил Бару пишет новые остроумные очерки о не самых известных городах и поселках – Сергаче, Скопине, Михайлове, Заволжске, Шацке и других, создавая свой собственный Лицевой летописный свод, свою Царь-книгу о русской провинции. За скромным уездным фасадом этих городков часто скрываются не только обаяние местного колорита, но и следы большой истории: судьбы этих поселений, как и их жителей, оказываются богатыми на драматические события, а смены эпох, войны и другие национальные трагедии были прожиты здесь не менее интенсивно, чем в столицах. Сквозь эти рассказы о маленьких и очень маленьких городах, как сквозь стеклышки в калейдоскопе, открывается узор нашей общей исторической судьбы. Михаил Бару – поэт, прозаик, переводчик, инженер-химик, автор книги «Непечатные пряники», вышедшей в издательстве «НЛО».

© Бару М. Б.

© НЛО

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
КАК МАЛЫЕ РЕБЯТА ГОРОХ ВОРОВАЛИ	6
ЧЕРНЫЙ КРЕСТ В КРОВАВО-КРАСНОМ ПОЛЕ	18
ЛЕВ, ПОКРЫТЫЙ ГЛАЗУРЬЮ	28
СТО ПЯТЬДЕСЯТ ПУДОВ БУЛАВОК	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Михаил Бару

Скатерть английской королевы

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Иной раз копаешься в истории какого-нибудь заштатного городка Рязанской или Вологодской губернии, рассматриваешь в лупу давно поросшее быльем, но все еще кровоточащее и думаешь: что же было хорошего... Сначала воевали между собой, потом пришли монголы с татарами, потом терпели их и в промежутках воевали между собой, потом растворили в себе татар и началась опричнина. Терпели ее, висели на дыбах, варились в кипятке и клали головы на плаху. Потом опричнина кончилась и началась Смута, когда пришлось терпеть поляков, казаков и успевать еще воевать между собой. Потом прогнали поляков, растворили казаков и стали раскалываться. Убегали в дремучие леса и заживо горели в срубках. Потом стали воевать со шведами, турками, австрияками, поляками,дохнуть как мухи на строительстве новой столицы и служить в армии, пока не убьют или не забьют шпицрутенами. И при этом успевали гнуть спину на барщине, приносить оброк, перебиваться с хлеба на квас, терпеть, когда тебя секут на конюшне или твою жену наряжают вакханкой и ведут к барину в опочивальню. Потом пришли французы, и снова пришлось идти в атаку, умирать, но не сдаваться, колоть штыками, брать Париж и возвращаться к барщине и розгам на конюшне. Потом еще терпели, терпели... и стали бросать бомбы, убили того, кто освободил, но без земли, убили... убили... убили... Потом пришли большевики, стали терпеть их и на Колыме вспоминать, как было хорошо, когда на конюшне... Потом пришли немцы... Потом снова... Потом думали, что вот сейчас уж точно увидим небо в алмазах, но алмазы кто-то успел... и осталось только голое небо. Господи, да что же было хорошего?! Разве только гениальная литература о том, что все плохо, военные оркестры, играющие вальсы в городском саду перед отправкой на фронт, любительские спектакли, после которых были танцы, ледяное шампанское в буфете и бой конфетти, маковые пряники, тридевять земель, за которые можно убежать, чудом дошедшее письмо с фронта или из лагеря о том, что жив, теплые шерстяные носки ручной вязки и леденцы на палочке. И еще мечты о том, что все будет хорошо или уже было, но мы не заметили. Впрочем, если как следует поискать в том, что давно поросло быльем, то можно...

КАК МАЛЫЕ РЕБЯТА ГОРОХ ВОРОВАЛИ

Каждому писателю хочется начать свой рассказ, или повесть, или роман с какой-нибудь особенной, эффектной фразы, после которой читатель уже ни за что не сможет оторваться от повествования. Хорошо, если ты рассказываешь о Париже или о Мадриде. Про Париж и говорить нечего. Просто берешь в качестве эпиграфа строчку Бродского «В Париже, ночью, в ресторане...», и она за собой сама дальше потащит твой рассказ, как на веревочке. Да и с Мадридом ничуть не сложнее. «Ах, наконец достигли мы ворот Мадрита! Скоро я полечу по улицам знакомым, усы плащом закрыв, а брови шляпой». Да будь ты хоть бритый бухгалтер преклонных годов в засаленном халате и шлепанцах, а все равно подкрутишь несуществующие усы, залихватски заломишь бровь, запахнешься халатом и полетишь за автором по незнакомым улицам. Ты найди такую фразу, когда станешь рассказывать о райцентре Сергач в Нижегородской губернии. Тут хоть наизнанку вывернись, хоть всего Бродского перетряси и всего Пушкина...

Хотя... если уж зашла речь о Пушкине, то в одной всем известной с детства пушкинской повести написано, что «Андрей Гаврилович, изумленный неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, что сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойного его родителя...». Здесь заинтригованный читатель непременно должен спросить: при чем здесь сельцо Кистеневка, если автор завел речь о городе Сергач и... Всему свое время, отвечу я, будет и про сельцо Кистеневка, а пока начну с самого начала.

Столица Припьяня

С самого начала надо сказать, что Сергач – столица. Его называют столицей Припьяня. Такие слова с двумя мягкими знаками надо, конечно, произносить на трезвую голову. С другой стороны, как его еще назвать, если это единственный город, расположенный в бассейне реки Пьяны. И реку эту тоже никак по-другому не назвать – она течет точно пьяная. От устья до истока чуть больше шестидесяти километров, а общая длина почти в семь раз больше. Ее по этому поводу даже занесли в Книгу рекордов Гиннеса, как самую извилистую реку в мире¹. Во времена доисторические, когда в этих местах никто, кроме медведей, рысей, волков, кабанов и лосей, не жил, росли здесь липовые и дубовые леса. Теперь их почти все извели. Остались лишь небольшие участки того самого леса в трех или четырех местах, да возле села Крутец, что в тридцати километрах от Сергача, растут несколько трехсотлетних дубов^{2*}.

¹ Пьяна – очень живописная река. Неподалеку от Сергача на ее берегу есть село Игнатово. В 1897 году там несколько месяцев прожил С. В. Рахманинов. После провала Первой симфонии у него был нервный срыв, и врач посоветовал Рахманинову отдохнуть и успокоиться. Он и поехал успокаиваться в Игнатово, в усадьбу своего родственника, отставного генерала Скалона. Когда экскурсовод в краеведческом музее, рассказывая о жизни композитора в Игнатово, сказала: «Каждый день Рахманинов по Пьяне катался на лодке», я подумал, что эту фразу лучше читать, чем произносить вслух. Мало ли как могут ее понять.

² В разгар перестройки, когда от громадь планов кружились головы, власти думали для привлечения своих и особенно иностранных туристов наковать красивых золотых цепей, закупить ученых котов да посадить их на эти цепи, чтобы днем и ночью... Составили смету, выпросили денег в области на одну хоть и не золотую, но позолоченную цепь и одного ученого кота, которого планировали закупить в специальном питомнике при одном из немецких университетов. Составили комиссию, в которую вошли компетентные фелинологи, а проще говоря – котоведы из районной и областной администраций, купили специальную клетку для перевозки ученого кота, сборник сказок, которые он должен будет выучить, раздали членам комиссии командировочные в валюте, купили билеты в Париж и улетели*.

* Это, собственно, вся история. Продолжения у нее не было. Правда, еще какое-то время искали цепь, но ее тоже не нашли. Было еще, кажется, письмо из-за границы с просьбой прислать хоть немного денег, поскольку обучение кота встало в копеечку, а жизнь в Париже больно дорога.

Во времена, близкие к историческим, сюда заниматься земледелием, охотой и рыболовством пришли эрзяне и мокшане, которых пришедшие позже славяне стали называть мордвой. С тех времен остались стоять на окраине Сергача курганы, которые местные жители старались, особенно в сумерки и по ночам, обходить стороной. Молва приписывала курганы Ивану Грозному. Дескать, шел он брать Казань и велел насыпать курганы. Ну а кому же еще их приписать, если не царю? Это же курганы, а не куличики из песка. Думали так долго, пока в конце девятнадцатого века археологи их не раскопали. Оказалось, что это древнемордовские могильники второго века. Нашли в них бронзовые браслеты, железные мечи, наконечники стрел и все, что полагается находить в таких случаях.

Следующую тысячу лет в предыстории Сергача можно пропустить. Кроме обычной жизни, не происходило ничего, и это ничего было лучшим из того, что могло происходить. Ловили рыбу, пахали землю, ходили на медведя и уносили от него ноги, били белку, куницу, охотились на рысь и кабана, собирали мед и варили пиво, которое текло по усам.

В начале тринадцатого века время пошло быстрее. Припьянье стало заселяться русскими. Заселялись русские осторожно, поскольку опасались близкого соседства с мордвой, а заселившись, стали уже вместе с мордвой опасаться монголов, которых приводили в эти места Батый и Субэдэй. Пришлось построить целую оборонительную линию, состоявшую из маленьких острогов, по левым берегам Пьяны, Теши и Суры. Остроги были не столько оборонительными, сколько сигнальными. Гарнизоны в них были небольшие. Как увидят неприятеля, так посылают гонца в другой острог, расположенный верст за десять от этого. Гонец скакал по специальной дороге, минуя защитные завалы из подсеченных деревьев и частоколы из заостренных бревен у бродов. Скакал быстро. Весть о появившемся неприятеле доходила до Нижнего и Мурома в тот же день, а до Москвы – на следующий. В сторожевые дозоры ходили круглосуточно. Состав гарнизонов был многонациональный – русские, мордва, татары. И по сей день, спустя восемь веков, вдоль этой оборонительной линии расположены русские, мордовские и татарские деревни.

Весной 1337 года в эти места двинулся с большим войском татарский хан Арапша, состоявший на службе у Мамай. Судя по описанию русских летописцев, это был татарский Бонапарт: «карла станом, но великан мужеством, хитр на войне и свиреп до крайности». Строго говоря, полчищ Арапши никто пока не видел, но слухи поползли упорные. Нижегородский князь Дмитрий Константинович, известившись об этих полчищах, послал гонца в Москву к своему зятю, великому князю Дмитрию Ивановичу. Московский князь незамедлительно прибыл на помощь нижегородцам с большим войском, постоял, постоял... и убыл обратно, не дождавшись Арапшу. Князь, однако, оставил муромские, владимирские, ярославские, юрьевские и переяславские полки вместе с их воеводами. Нижегородский князь присоединил к этому войску суздальцев и нижегородских дружинников. Вся эта соединенная рать выдвинулась за реку Пьяну и стала ждать Арапшу с его войском. Тот, однако, и не думал появляться. Ходили слухи, что он далеко, на притоке Донца. Дело было в середине июля. Ходить дозором в кольчуге, в шлеме, в кольчужных рукавицах, с боевым топором, щитом, луком, копьем, да еще и волочить за собой тяжеленный меч... Короче говоря, все расслабились и «аки в бане растрепухся». Еще и пить начали так, точно Арапшу с его войском уже победили. Летописец, обливаясь слезами, отмечал: «Любляху же пьянство зело, когда где находили пиво, и мед, и вино упивахуся без меры. Глаголили, что каждый из них с сотней татар справится».

И доглаголились. На исходе второй недели ожидания Арапша, проведенный мордовскими князьями к месту стоянки русских войск, ударил сразу с пяти направлений. Полуголые и пьяные, русские воины бросились врассыпную. Один из нижегородских князей был зарублен, самый главный нижегородский князь Дмитрий Константинович бежал со своими боярами не останавливаясь до самого Суздаля, а татары через три дня после Пьянского побоища объ-

явились под стенами Нижнего Новгорода. «И бысть на всех ужас велий и страх мног, и изнемогоши вси...»

Какое это имеет отношение к городу Сергач, спросит читатель? А такое, отвечу я, что, по преданию, вдовы и дети нижегородских воинов, погибших в битве, вернулись на место их захоронения и основали село с говорящим названием Кладбищи, а уж рядом с этим селом и вырос впоследствии город Сергач.

Человек по имени Серга

Как и у всякого уважающего себя русского города, у Сергача есть не одна и не две легенды, рассказывающие о происхождении его названия. По первой легенде, на месте деревни, из которой потом вырос Сергач, стояла часовня во имя Сергия Радонежского. От часовни пошло название деревни Сергиевка, а от деревни – города. Вторая легенда говорит о том, что первым жителем будущего города был человек по имени Серга, названный так потому, что носил в ухе серьгу. Серга вообще не собирался быть первопоселенцем, а жил отшельником, но не один, а с медведем. Медведь был обучен разным смешным фокусам и редких гостей отшельника потешал как мог, поскольку, в отличие от отшельника, очень скучал в этой глуши. По третьей легенде... Впрочем, она скорее не третья, а разновидность второй. Так вот, по ней, первопоселенцем был не Серга с медведем, а мордвин Сергас. Был он бортником, то есть отбирал мед у диких пчел³. Жил без медведя. Медведь в такой профессии не помощник. Это как же получается – сначала отбери мед у пчел, а потом у медведя... Сергас дал свое имя не только городу, но и речке, которая теперь называется Сергачкой. По третьей легенде, название города тюркского происхождения и означает желтое дерево – сарыгач. Как раз на южной стороне холма, где начинался Сергач, в сильную засуху вся листва желтая уже в середине лета – почвы там мало, и близко к поверхности подходит известняк. Местные татары, особенно те, кто плохо говорит по-русски, нет-нет да и назовут Сергач Сарыгачем. Четвертая легенда уже ближе к фактам. В Никоновской летописи, в «Повести о приходе Тохтамыша на Москву», Сергач упоминается под именем Сернач. Почему Сернач... Должно быть, в четырнадцатом веке в том месте водилось много серн, на которых охотились местные жители, или было месторождение серы – ценного сырья для производства пороха. Может, просто летописец перепутал одну букву. Впрочем, это уже будут пятая и шестая версии. Куда их девать... Остановимся на Никоновской летописи, по которой Сергач существует с 1382 года. Скорее всего, город был тогда маленьким острогом, выполнявшим сторожевую службу. После взятия Казани войсками Ивана Грозного нужда в Сергаче отпала, и он... исчез. То ли был архивирован и перемещен из корневой папки в какую-нибудь подпапку, то ли бревна частокола, которыми он был окружен, растащили местные жители, то ли просто сгнил на корню, – так или иначе из летописей Сергач на какое-то время пропал.

Второй раз он родился как деревня боярина Бориса Ивановича Морозова. В 1649 году он упоминается в наказе, который был выдан Любиму Осанову, приказчику, посланному управлять этой частью обширных морозовских владений. Борис Иванович был ~~нервоетатейным~~ ~~сконидомом~~ хозяйственным боярином и перво-наперво наказывал Любиму «переписать в деревне Сергач с починками и деревнями крестьянские и бобыльские двory, и во дворах людей, и их детей, и братьей, и племянников, и внучат, и зятей, и приемышев, и соседей, и подсоседников, и захребетников, всех по именам с отцы и прозвищи, и что под каждым крестьянским тягла». Будь воля Морозова – он велел бы не только приемышей, но и мышей переписать, чтобы потом обложить их податями. Мало того, велено было Любиму следить, чтобы «вотчины моей в деревне Сергаче с деревнями и починки крестьяне мои и бобыли на продажу вин не седали,

³ Надо сказать, что здешний липовый мед был такого отменного качества, что его даже поставляли к царскому столу.

табаку б не держали, и не пили, и не продавали, и зернью и картами не играли, и на кабаках не пропивались». Пьяниц, самогонщиков, курящих, в азартные игры играющих приказано «бить батоги нещадно, и давать на поруки, а будет кто не уймется, и его бить кнутом».

Какие там карты и зернь... Покурить морозовскому крестьянину было не на что и некогда. Семнадцатый век в истории России назовут бунташным, а в истории Сергача – поташным. Тысячи и тысячи крестьян в приволжских владениях боярина с утра и до ночи валили и жгли лес, добывая из древесной золы поташ. Сергач был центром поташного производства, больше похожего на добычу, чем на производство, – настолько было оно примитивно. И все же лучше сергачского поташа в тогдашней России не делали. Десятками тысяч пудов везли его в Нижний, из Нижнего в Вологду, из Вологды в Архангельск, а оттуда морем в Голландию, Германию и Англию. Людей не хватало, и потому в эти края присылали пойманных беглых, ссыльных и крестьян из других морозовских вотчин. Одно время Сергач и его окрестности даже называли «ближней Сибирью». В каком-то смысле это была даже и не Сибирь, а Крайний Север, поскольку все необходимое для жизни, а точнее, для существования «рабочих людей», включая муку, сухари, одежду, овес для лошадей, привозилось со стороны. Пахать землю, сеять рожь и овес на месте сведенных лесов стали гораздо позднее. В 1672 году поташа было продано на экспорт семьдесят тысяч пудов. Даже страшно представить себе, сколько ради этого количества поташа было вырублено леса. Про диких пчел и мед можно было забыть. Впрочем, это уже было в те времена, когда вотчины Морозова после смерти его самого и его жены перешли обратно в казну. В семидесятые годы семнадцатого века даже была организована Сергачская поташная волость.

Танцы с бубном

Был, однако, и еще один промысел у сергачан. Его ни Морозов, ни власти не поощряли. Еще при Иване Грозном архиереи на Стоглавом соборе жаловались на сергачан, говоря, что они «поганскими обычаями кормяща и храняща медведя на глумление и на прельщение простейших человек⁴... велию беду на христианство наводят». Жаловались, жаловались, а все без толку. Приносили сергачане из лесу медвежат и дрессировали их долгими зимними вечерами, когда в поташном промысле наступал перерыв.

Дрессированный медведь мог дать целое представление. Не один, конечно, а с помощью поводыря, его прибауток весьма рискованного свойства, которыми он сопровождал медвежьи номера, бубна и мальчонки, изображающего козу и обряженного для такой роли в белый балахон с рогами. Помимо танцев с бубном показывал медведь, как малые ребята горох воровали, как у мишки с похмелья голова болит, как поп обедню служил, как теща зятю блины пекла, угорела и повалилась, как девки в зеркало смотрятся, как от женихов закрываются, как их же из-под ручки высматривают. Медведь мог представить даже сложносочиненное – как бабы в баню ходили, на полоч забирались, на спинке валялись, веничком махали, животы протирали. И это не все. Еще ходили как карлы и старики, изображали хромых, умели приволакивать ногу, подражать судьям, когда они сидят за судейским столом⁵, и показывали, как жена милого мужа приголубливает. Поднесут медведю жбан с пивом, вином ли – он выпьет, жбан отдаст и поклонится.

С этим нехитрым репертуаром ходили сергачане по деревням, селам и ярмаркам всей Центральной России, доходили до Урала и Кавказских гор, а в Европе добирались до Италии и

⁴ Оруэлл лишь через четыреста лет придумает своих пролов, а тут уже простейшие. Про рентген, про Грозного, который всех насквозь видел, и говорить нечего.

⁵ Как уж они изображали судей – ума не приложу. Может, изображали, как судья спит во время заседания, а может – как берет подношения от родственников.

даже до Англии. Вернувшись из заграницы, мог медведь показывать, как английские лорды в парламенте дерутся, как итальянцы спагетти друг другу на уши вешают, как толстые немецкие бургерши книксен делают, как... Воля ваша, но во всех заграничных гастролях удивительно мне не то, что мужик с медведем добирался до Англии или Италии, а то, что он возвращался домой, чтобы снова быть крепостным боярина ли Морозова, царя ли Алексея Михайловича или Петра Алексеевича.

Медвежьим промыслом занимались в Сергаче очень многие. В некоторых семьях было не по одному, а по два медведя. На городском рынке даже был ряд, где торговали медвежатами. Девять месяцев в году ходили по миру медвежатник⁶ со своим медведем и мальчиком, представляющим козу, а на десятый, ближе к зиме, начинали домой собираться. Шли осторожно – города, тем более столичные, обходили десятой дорогой. Не дай бог нарваться на станового пристава. Зарабатывали хорошо. Часть денег уже из дальних стран посылали домой, опасаясь не совладать с собой и пропить, прогулять, а часть приносили сами. Тех денег, что зарабатывали за сезон, хватало бы надолго, кабы... нет, не водка, а страсть к вольной жизни, к бродяжничеству. Как начнет таять снег – так и станет медвежатник собираться в дорогу.

И еще. В обширной программе медвежьих номеров был один «военный». Медведь брал палку на плечо и с ней маршировал, подражая солдатам-новобранцам, которых учат ружейным приемам. С этим номером связана история, без которой не обходится ни один рассказ о Сергаче. Рассказал ее Мельников-Печерский в романе «На горах». Может, этого и не было вовсе, а Павел Иванович все выдумал, но «когда французы из московского полымя попали на русский мороз, забирали их тогда в плен сплошь да рядышком, и тех полоняников по разным городам на житье рассылали. И в Сергач сколько-то офицеров попало, полковник даже один. На зиму в город помещики съехались, ознакомились с французами и по русскому добродушию приютили их, приголубили. Полоняникам не житье, а масленица, а тут подоспела и настоящая весела, честна Масленица, Семикова племянница. Сегодня блины, завтра блины – конца пированьям нет. И разговорились пленники с радушными хозяевами про то, что летом надо ждать. „Не забудет, говорят, Наполеон своего сраму, новое войско сберет, опять на Россию нагрянет, а у вас все истощено, весь молодой народ забран в полки – не сдобровать вам, не справиться“. Капитан-исправник случился тут, говорит он французам: „Правда ваша, много народу у нас на войну ушло, да это беда еще невеликая, медведей полки на французов пошлем“. Пленники смеются, а исправник уверяет их: самому-де велено к весне полк медведей обучить и что его новобранцы маленько к службе уж привыкли – военный артикул дружно выкидывают. После-завтра милости просим ко мне на блины, медвежий баталион на смотр вам представляю“. А медвежатники по белу свету шатались только летней порой, зимой-то все дома. Повестили им от исправника, вели бы медведей в город к такому-то дню. Навели зверей с тысячу, поставили рядами, стали их заставлять палки на плечо вскидывать, показывать, как малы ребята горох воровали. А исправник французам: „Это, говорит, ружейным приемам да по-егерски ползать они обучаются“. Диву французы дались, домой отписали: сами-де своими глазами медвежий баталион видели. С той, видно, поры французы медведями нас и стали звать».

Вот вы, прочитав эту историю, небось, только усмехнулись да подумали, что Мельников-Печерский на то и писатель, чтобы сочинять, а мне экскурсовод Наталья Николаевна Сидорова⁷ в Сергачском краеведческом музее разве что не поклялась, что это факт исторический, и даже потом показала место на Базарной площади, где этот медвежий парад проходил.

К концу девятнадцатого века медвежий промысел почти прекратился. Церковь и правительство его искореняли, искореняли и искоренили совсем. Да и уходить из дому и бродить с

⁶ Тех, кто ходил с медведями, называли сергачами. Даже в тех случаях, когда медвежьих поводыри были и не из Сергача и уезда.

⁷ Пять поколений Наташиных предков прожили в Сергаче. Попробуйте в Москве, в Петербурге или в Нижнем Новгороде найти такого экскурсовода, пять поколений предков которого... Даже и не мечтайте.

медведем по Российской империи, и даже доходить с ним до Англии, было не в пример сложнее, чем по Московскому царству. В декабре 1886 года высочайшим повелением окончательный срок прекращения промысла был указан в пять лет. Означало это одно – всех медведей нужно было... Их и убили, свезя в овраг за городом. Правда, в самом Сергаче к тому времени было уже немного медведей – больше по окрестным деревням, но и тех, что жили по деревням, тоже истребили.

Однако мы забежали слишком далеко вперед, пропустив восемнадцатый век, в котором Сергач 5 сентября 1779 года из села превратился в город по указу Екатерины Великой. Не то чтобы Сергач в это время бурно развивался и в нем процветали ремесла и науки – вовсе нет. Просто был он казенным селом, а не принадлежал какому-нибудь помещику. Вот и сделали его уездным городом, а на гербе поместили медведя, стоящего на задних лапах. Означало это, что «того рода зверей в окрестностях города довольно».

Под своим знаменем

Новорожденному городу была дана такая характеристика, которую, ей-богу, лучше было бы не давать. «Новоучрежденный в Нижегородском наместничестве город Сергач, преобразованный из села бывшего ведомства поташной конторы: купцов – 69, мещан – 37, крестьян поташного ведомства – 827 душ. Деревянного казенного строения: корпус присутственных мест, кладовая для денежной казны, колодничья тюрьма, соляные магазины всего числом три амбара, для поставки казенного вина подвал. Торгов, промыслов и рукоделий никаких не имеется, а посему так же и по строению своему, настоящим городом назвать не можно. К дальнейшей торговле особых способностей не имеется».

Ни рукоделий, ни способностей к торговле... Между тем рукоделия в Сергаче были. Местные лапти отменного качества славились на все Поволжье. Если бы русский царь был из крестьян, то и к царскому двору такие лапти не стыдно было бы поставлять. Плести их умели все от мала до велика. Девочки еще и ходить не умели, а уже слабыми своими ручонками сплели себе и братьям лапоточки «на первый шажок». Зимой лапти плели даже ученые медведи, которых мучила бессонница. На женскую ногу лапти плели прямые, а на мужскую – кривые. Из бересты плели ступанцы, а из веревок – «шептуны». Были лапти из прядок конопли и назывались «оборы». Лаптей плели столько, что их возами везли на Нижегородскую ярмарку. Кроме лаптей вязали в свободное от полевых работ время носки и варежки. Те, кто не вязал носки и варежки, валяли валенки. Вообще брались за любые ремесла, поскольку с полевыми работами были сложности. Полевые работы, как известно, хорошо проводить в поле, а вот с полями-то у местных крестьян все было плохо. Вернее, с полями хорошо, а без них плохо. Большая часть земель в уезде принадлежала помещикам. Поташный промысел к началу девятнадцатого века захирел, и надо было заниматься земледелием, а земли для этих занятий у крестьянина в достаточном количестве как раз и не было. От такой жизни не только медведей начнешь дрессировать, но и сам будешь смотреть на всех медведем.

В двенадцатом году сергачанам удалось пройтись по Европе без медведей, но с оружием в руках. Дошли они до Германии и принимали участие во взятии Дрездена. Шли под своим знаменем, на котором был вышит медведь, держащий в правой передней лапе боевой топор. Это знамя потом долго хранилось в городском Владимирском соборе, пока в тридцатых годах прошлого века собор не был закрыт. Тогда знамя из собора и пропало.

После того как ополченцы вернулись домой, снова начались бесконечные лапти, вязанные носки, валенки и дрессировка медведей. Сергач жил жизнью обычного русского уездного города – пыльного, затканного по углам паутиной, сонного и до того скучного, что в нем, случалось, даже мухи дохли от недостатка развлечений. Одно время городская шестигласная дума по предложению городского головы даже решала вопрос, а не впасть ли в спячку всем городом

до лучших времен, и многие горячо поддержали это предложение – особенно медведи, жившие почти в каждом доме. Впрочем, от этой идеи отказались. Во-первых, потому, что представлялось невозможным уложить спать всех малых ребят разом – кто-нибудь из них не ровен час не заснет, станет бегать с другими такими же сорванцами по городу, да, не приведи господь, у них в руках окажутся спички... Во-вторых, боялись того, что скажет по этому поводу губернатор в Нижнем Новгороде, не пойдут ли кривотолки, не усмотрят ли в этом вольтерьянства, не захотят ли соседние уезды присоединиться к такому начинанию, не пришлют ли комиссию из самого Санкт-Петербурга разбираться, не выяснится ли, что подряды на ремонт городских улиц давно взяты, а булыжных мостовых как не было, так и... И в-третьих, никак не могли между собой договориться о том, что считать лучшими временами и на какой срок надо засыпать. По всему выходило, что столько проспаться не только человек, но даже и медведь не в состоянии.

Между тем город хоть и в полудреме, но рос. Образовались три новые улицы – Зайчиха, Острожная и Перекувырдыха. Они и сейчас есть, только называются по-другому. Перекувырдыха – теперь Театральная, потому как в первые годы советской власти на ней стояло здание народного театра. Здания давно уж нет – оно сгорело в конце двадцатых, но улица с тех самых пор Театральная. Не Урицкого, не Свердлова – и слава богу. Зайчиха – теперь Горького. Не знаю почему. Может, потому что Горький... потому что Свердлов, потому что Урицкий, потому что Калинин и Ленин. Что же до Острожной, то она носит название Пушкинской – и не просто так.

Сельцо Кистенево

В 1830 году Александр Сергеевич проезжал через Сергач по пути в Болдино. Ну, скажет читатель, таких городов, через которые проезжал поэт, много. Небось, проехал не останавливаясь или остановился на часок, съел в местном трактире «щи с слоеным пирожком, нарочно сберегаемым для проезжающих в течение нескольких недель, мозги с горошком», напился чаю, выглянул в окно, засиженное мухами, увидел там свежую, как розан, уездную барышню, обходящую огромную лужу, в которой плескались утки и лежала бревном свинья, вздохнул, цыкнул зубом и поехал себе дальше. Из этого факта, конечно, можно вывести примечание к десятому тому полного собрания сочинений и писем Пушкина или даже написать отдельную статью, если подробно разобрать, из чего состояли щи в трактире и какой породы была свинья, валявшаяся в луже, но мы оставим это филологам, которых хлебом не корми, а дай написать статью в ученом журнале.

Пушкин приезжал в Сергач два раза. Местный житель или экскурсовод в музее сказали бы «неоднократно». Было у него дело в Сергачском уездном суде, от которого самым прямым образом зависело его семейное счастье и благополучие. Отец поэта выделил ему две сотни душ в сельце Кистенево, которые Александр Сергеевич намеревался как можно быстрее заложить, чтобы на вырученные деньги заказать Наталье Николаевне свадебное платье, фату, фотографа, карету с кольцами на крыше, оплатить банкет в «Яре», цыганский хор... Короче говоря, надо было Кистенево срочно закладывать, а прежде чем заложить, необходимо было вступить во владение, а чтобы вступить, надо оформить бумаги, бумаги и еще раз бумаги. Было отчего прийти в отчаяние. Тут наступает болдинская осень, тут Кистенево, тут крестьяне, у которых надо принимать присягу, тут черт ногу сломит в этих бумагах, гори они огнем. Когда, спрашивается, без пяти минут новобрачному этими скучными делами заниматься? Пушкин поручил это поверенному – писарю болдинской вотчинной конторы Петру Кирееву – и выдал необходимую доверенность, но, как человек неопытный в таких делах, совершенно упустил из виду, что доверенность надо заверить, а вот для этого необходимо было приехать в Сергач. От Болдино до Сергача в те времена, да и сейчас, было около полусотни верст. Два раза приезжал Пушкин в Сергач – в конце сентября и в начале октября. Мог бы и больше, принимая во вни-

мание ту скорость, с которой рассматривают дела уездные суды в те времена... да и сейчас. К счастью, соседка Пушкина, Пелагея Ивановна Ермолова, была тещей председателя уездного суда Александра Федоровича Дедюкина, и потому все оформили быстро.

Доподлинно известно, что в один из приездов показывали Александру Сергеевичу ученого медведя. Теперь берем этого медведя, складываем с сельцом Кистеневым, с Сергачом – и получаем деревню Кистеневку, медведя, которому выстрелил в ухо француз Дефорж, помещика Троекурова, играющего с медвежатами, и наконец повесть «Дубровский».

Во время своих приездов в Сергач Пушкин останавливался в доме помещика Приклонского, своего дальнего родственника и предводителя уездного дворянства. У того было в Сергаче три дома. Тот, в котором останавливался Пушкин, до наших дней не достоял. То есть он мог бы, если бы ремонт, если бы замена сгнивших бревен и новая крыша, если бы штукатурка... Дом развалился бы и сам, но в семидесятые годы его снесли, чтобы построить общежитие. Те же самые власти (только это была уже другая рука властей – не левая, которая сносила дом, а правая) некоторое время спустя захотели повесить мемориальную доску на доме, в котором останавливался великий поэт. Дома не было, но рука, которая хотела повесить доску, чесалась немилосердно. И повесили. Правда, на другой дом, построенный через двадцать лет после смерти Пушкина, но тоже принадлежавший семье Приклонских. Так она там и висит, и на ней все как следует быть – и барельеф с кудрявой головой, и гусиное перо, и раскрытая книга, и открытая чернильница. Кстати, улица, на которой этот дом стоит, не Пушкинская, а Гайдара.

Не то мне удивительно, что доску повесили не на том доме, а то, что за много лет ни один сергачанин, ни одна сергачанка, ни даже маленькие сергунчики, которым всегда до всего есть дело, не приписали частицу «не» к глаголу «останавливался». И висит-то доска довольно низко. Возьми фломастер и... Не берут. И это, как мне кажется, даже хуже, чем доску сорвали бы вовсе.

О Сергаче времен Пушкина рассказывать долго нечего. Дворцов, многоглавых соборов, домов с колоннами там не было. Были одноэтажная кирпичная больница на десять коек, одиннадцать улиц, полторы дюжины попов, четыре казенных здания, пять магазинов, три церкви, два с половиной десятка дворян, винный погреб, семь кирпичных заводов, двести военных, кожевенный завод, ни одного учебного заведения, семьдесят пять купцов, три с половиной сотни мещан и около двух тысяч дворовых и крестьян.

Ближе к концу девятнадцатого века к кирпичным и кожевенным заводам прибавился пивоваренный, который построил в Сергаче немец Г. К. Дик. Воду для приготовления пива брали в роднике, а родник находился аккурат на том самом месте, где в незапамятные времена стояла часовня во имя Сергия Радонежского, с которой, по легенде, и начался Сергач. Был еще и мыловаренный...

Честно говоря, я с гораздо большим удовольствием рассказал бы не про мыловаренный завод, а о том, что жил в то время в Сергаче какой-нибудь чудаковатый, построивший воздушный шар и запустивший в первый полет ученого медведя, который не только ел мед на протяжении всего полета, но и записывал в специальную книжку показания термометра и барометра, или о том, что в пиве, произведенном на заводе Дика, все пузырьки были шампанскими и оно обладало таким тонким и неповторимым вкусом, что получило большую золотую медаль на выставке в Париже, или о том, что местные ювелиры делали яйца ничуть не хуже, чем в мастерской Карла Фаберже, и даже умудрились изготовить яйцо с двумя желтками, которое подарили царю на Пасху, но... не делали, не изготавливали, не умудрялись и не дарили. В «Нижегородских губернских ведомостях» от 20 мая 1887 года о Сергаче было написано: «Особенность Сергача – это на каждой трубе дырявый горшок производства купцов Белодуриных». Уж лучше бы просто обругали, ей-богу.

В тех же губернских ведомостях через два года в «Росписи прихода и расхода» записано, что на содержание тюрьмы в Сергаче из городского бюджета было отпущено 575 рублей, на народное образование – 160 рублей, на благоустройство города – 50 рублей, на ремонт общественных зданий – 25 рублей. Если пересчитать все это на стоимость офицерских сапог в то время, то выходило, что на народное образование отпускали восемь пар сапог, а на благоустройство – две с половиной пары. Если считать в хороших лошадях, то образование стоило всего одну лошадь или около двух с половиной коров. Зато на тюрьму отпускали две лошади, два парадных офицерских мундира, две пары парадных сапог, две пары золоченых офицерских эполет, две сабли и полторы пары шпор.

Мыла и пива в Сергаче было достаточно, а вот хлеба не хватало. То засуха, то голод. А хоть бы и не голод – земли у крестьян было с гулькин нос. В среднем по семь десятин на семью. В сто раз меньше, чем у местных помещиков, и в шестьдесят четыре раза меньше, чем у купцов. У половины крестьян земли и вовсе не было. Неудивительно, что в девятьсот пятом году по всему сергачскому уезду усадьбы помещиков запылали как свечи. Крестьяне жгли даже то, что могли взять себе, – скот, сельскохозяйственную технику. Вывозили только хлеб. Помещики бежали в город, но и в Сергаче спокойствия не было. Откуда ни возьмись, объявился сапожник, руководивший местной группой РСДРП. Осенью бастовали рабочие и служащие местного телеграфа. Местный исправник исхитрился отправить в Нижний Новгород шифрованную телеграмму с просьбой прислать две роты солдат или одну роту казаков. Пришли роты солдат. На местную полицию было мало надежды – случалось, она переходила на сторону крестьян. Часть сергачских полицейских арестовали и мгновенно, без суда, сослали в Нарымский край на каторжные работы. К концу девятьсот шестого года беспорядки утихли. В девятьсот седьмом было всего два крестьянских выступления. Большевики затаились.

За год до начала Первой мировой стали строить железную дорогу. Уездные власти обратились с просьбой к правлению общества Московско-Казанской железной дороги перенести станцию поближе к городу, но их не стали и слушать. Строили в чистом поле целый городок – вокзал, паровозоремонтное депо, пакгаузы, склады топлива, дома железнодорожников. В масштабах Сергача и уезда это была стройка века. На нее стекались тысячи безработных крестьян. Рабочий день длился пятнадцать, а то и шестнадцать часов с полуторачасовым перерывом на обед. Большая часть дороги пролегла в болотистых местах. Со всем тем качество строительства было никуда не годным. Шпалы клали не пропитанные креозотом, да и сами они были не из клена или сосны, как полагается настоящим шпалам, а из липы, березы и осины. Срок службы таких шпал не более пяти лет. Местами шпалы с рельсами укладывали просто на грунт, без подсыпки гравием и песком. Еще и рельсы брали облегченного типа. Еще и воровство на строительстве никто не отменял. Скорость пассажирских поездов была не выше тридцати пяти километров в час, а товарные поезда просто еле тащились. В год начала войны построили красивый вокзал по проекту Щусева. Он и сейчас стоит. Окончательно все достроили, включая паровозное депо, только в восемнадцатом году, уже при новой власти. Железнодорожная станция увеличила население Сергача за десять лет с шестнадцатого по двадцать шестой год почти в два раза. И это при том, что с четырнадцатого года и до двадцать второго страна беспрерывно воевала.

«Да здравствует красный террор!»

Новая власть пришла в Сергач быстро. Быстро разогнали местных меньшевиков и эсеров, быстро упразднили земские управы, волостные земства, быстро, в январе восемнадцатого, провели уездный съезд Советов, избрали исполком, учредили сельские советы, понаделали красных знамен, написали на них лозунги и пошли на демонстрацию. Вместе с новой властью на демонстрацию пошли голод, разруха и эпидемия тифа. Начавшие трезветь от революцион-

ного угара крестьяне стали разгонять комитеты бедноты и расправляться с активистами. Уездный совет депутатов думал, думал... и отправил своего председателя Герасима Родионова к Ленину. Вождь принял Родионова, спросил, не преувеличивает ли он трудности, поворочал в черепе губерниями, записал что-то в блокноте, обещал помочь с деньгами, велел создать красногвардейский отряд и не церемониться с буржуазией. Большевики и не церемонились. Четвертого сентября восемнадцатого года, через четыре дня после покушения на Ленина, в Сергаче был объявлен красный террор. В местной газете «Думы пахаря» председатель сергачского укома ВКП(б) М. И. Санаев под заголовком «Да здравствует красный террор!» писал: «Третьего сентября в Сергаче по постановлению военно-революционного штаба расстреляны пять человек в отместку за покушение на наших вождей». Расстреляли помещицу Приклонскую (из тех самых Приклонских, в доме которых останавливался Пушкин), протоиерея Никольского, спекулянта Фертмана и двух офицеров – Рыбакова и Рудневского⁸. Ровно через двадцать лет, в тридцать восьмом, расстреляли как врага народа организатора расстрела Санаева.

Потом была Гражданская, потом два года засухи, потом продрозверстку заменили продналогом, потом в уезде открыли две сотни школ ликбеза, две сельскохозяйственные коммуны, дюжину изб-читален, а в самом Сергаче благодаря одному энергичному художнику открыли один театр и один музей. Художник взял да и уехал в скором времени в Москву, а музей закрыли. Театр даже закрывать не пришлось – он, как я уже говорил, сам сгорел в конце двадцатых. Зато в здании бывшего пивоваренного завода открыли кинотеатр, а в корпусах мыловаренного устроили городскую электростанцию. Правда, с ее помощью освещалась только центральная часть города и только до полуночи. Кирпичом разрушенной соборной колокольни замостили улицу Советскую, открыли парк культуры, и в нем заиграл духовой оркестр. Музыка играла весело и бодро. Хотелось жить. Началась коллективизация... Музыка играла еще веселей и еще громче, когда коллективизацию совместили с репрессиями. Арестовали врача, построившего новую районную больницу. Александр Августович Саар оказался «эстонским шпионом». К счастью, другом одного из председателей колхозов Сергачского района был Валерий Чкалов. Они и выпросил у кого надо Саара. Его отпустили. Правда, без зубов, которые выбили на допросах. Удивительно, но местные власти были так рады его возвращению, что не побоялись устроить по этому поводу банкет.

За Александра Леонидовича Яценко, учителя географии педагогического техникума, путешественника, написавшего книгу о своем путешествии по Австралии, члена русского Географического общества, этнографа и краеведа, завещавшего все свои коллекции Сергачу, заступиться было некому. Зато было кому написать донос. Его, семидесятилетнего старика, арестовали в ноябре тридцать седьмого и в январе тридцать восьмого расстреляли. Погиб и его домашний музей, экспонаты которого просто выбросили в овраг неподалеку.

В предвоенном Сергаче проживало пять с половиной тысяч жителей. Девятьсот из них не вернулось с фронта. Не вернулся и мобилизованный на фронт единственный в городе автобус, который ходил между городом и железнодорожной станцией. Сергач представлял собой тогда что-то вроде атома водорода, который отдал свой единственный электрон и теперь отрывает от ядра то, что отрывать нельзя, – протон и нейтроны. Жившие впроголодь жители города и района сумели за годы войны собрать для фронта сорок восемь миллионов рублей, построить на свои деньги эскадрилью самолетов, приютить эвакуированных из Прибалтики, выходить детей из блокадного Ленинграда, день и ночь перевозить на восток раненых, оборудование эвакуированных заводов, помочь освобожденному Подмосковию семенами и отправить двадцать тысяч

⁸ Спустя некоторое время выяснилось, что Николая Рудневского расстреляли лишь только потому, что его студенческий мундир инженера-путейца кому-то показался офицерским. Коля незадолго до расстрела поступил в Петербургский институт инженеров путей сообщения и приехал на побывку к отцу – учителю городского училища.

посылок с теплыми вещами на фронт. И еще шили солдатам ватники, полушубки, рукавицы, ботинки, валяли валенки, делали взрыватели для мин и проволочные сети заграждения.

Как депутаты голосуют

После войны... нет, не построили ни вавилонской башни, ни цирка, ни оперного театра, ни картинной галереи на тысячу картин. Зато построили хозмаг и гастроном. К дому культуры пристроили зрительный зал, замостили бульжником несколько улиц и по ним пустили внутригородской автобус. В шестидесятом году на окраине Сергача выстроили электрическую подстанцию, и жители города, а особенно района, поняли, что до коммунизма они вряд ли доживут, а вот до электрификации своих домов все же дожили. И наконец, открылась столовая-ресторан. По вечерам в ней убирали объявление «Пальцами и яйцами в соль не тыкать!», запах духов «Красная Москва» смешивался с запахом щей из квашеной капусты, и на столы ставили салфетницы с целыми бумажными салфетками, а не с разрезанными по-столовски на треугольнички. Впрочем, водку, как ни боролись, все равно приносили с собой.

В семидесятых построили водопровод и канализацию. Этим водопроводом и этой канализацией сергачане гордятся до сих пор. Они были построены, можно сказать, на вырост. Взять, к примеру, соседние Лысково, Лукоянов или даже Семенов на другом берегу Волги, в которых народу живет куда как больше, а канализация у них просто плюнуть и растереть по сравнению с той, что в Сергаче. Зря вы, между прочим, ухмыляетесь. Это Лондон с Парижем сравнивать легко, а вы попробуйте Сергач с Лукояновом сравнить. Вот я посмотрю тогда, как вы будете выкручиваться.

Промышленный комбинат, который во время войны шил ватники, телогрейки и рукавицы для солдат, перешел на выпуск... ватников, телогреек, рукавиц, но уже для рабочих, а кроме того, стал выпускать кнопки и мебельные гвозди. Не было такого школьника в нашей тогдашней стране, который хоть раз не подложил бы эти кнопки соседу по парте, не говоря об учительнице. Одно время кнопок стали выпускать так много, что из министерства канцелярских принадлежностей даже пришла официальная бумага в Министерство образования с просьбой увеличить количество учительниц и школьников, чтобы не допустить кризиса производства кнопок.

В шестьдесят седьмом построили в Сергаче сахарный завод – один из самых крупных в Союзе. Ежедневно завод производил сотни тонн сахарного песка. В пересчете на барханы это составляло два крупных и пять мелких. За месяц завод мог произвести сахарную пустыню небольших размеров. Несмотря на то что производство сахара на заводе было полностью автоматизировано, в городе началась эпидемия кариеса, очаги которой с огромным трудом удалось локализовать и ликвидировать. Через восемь лет рядом с сахарным заводом построили дрожжевой. Люди плакали от счастья и обнимались на улицах. Оба завода объединили в один комбинат. Третий завод строить не стали. Да никто и не жалуется. Справляются подручными средствами.

Комбинат, кстати, и теперь работает. Не всем работающим на нем сладко, но он жив, а вот мясокомбинат, птицефабрика, колбасный, рыбокопильный и кондитерский цехи при районной потребкооперации умерли. Рыбы в Пьяне тоже, кстати, сильно поубавилось, но медведи еще есть. По крайней мере в Сергаче они почти на каждом углу встречаются – где деревянные, где гипсовые. А вот живых уже и не водят. В начале двухтысячных на ярмарках молодые парни еще рядились в костюмы медведей, а теперь и этого нет. Вот только на день города музей выходит на улицы со своей коллекцией медвежьих фигурок. Оно, конечно, и понятно – двадцать первый век на дворе. Промысел был дикий, изуверский по отношению к животным, а с другой... Пришел бы медвежатник – и давай его медведь показывать, как депутаты голосуют, как на заседаниях спят, как чиновник прячет конверт в карман, как пилят бюджет, а мужи-

кам не дают даже и опилки подбирать, как девки по мобильному телефону разговаривают, как президент ближним боярам привилегии раздает, как жены министров на яхтах загорают, как малые ребята за компьютерами день и ночь сидят, как футболист не может по мячу попасть, как гаишник в кустах с радаром сидит, как на таможне не отдают добро, как богатые тоже плачут, как бедные смеются, но сквозь слезы.

Август 2016

БИБЛИОГРАФИЯ

Сергач. События и люди: Сб. статей / Под ред. А. П. Егоршина. Н. Новгород: НИМБ, 2013. 276 с.

Баландин В. Н. Вокруг Ященко: Записки краеведов. Н. Новгород, 2006. Вып. 11. С. 212–254.

Морохин Н. В. «Медведь с козой забавлялся...»: Новые материалы о сергачском медвежьем промысле. Записки краеведов. Н. Новгород, 1991. Вып. 9. С. 236–242.

ЧЕРНЫЙ КРЕСТ В КРОВАВО-КРАСНОМ ПОЛЕ

История Спасска-Рязанского, который на самом деле всегда был просто Спасском и лишь в двадцать девятом году прошлого века стал еще и Рязанским, чтобы отличаться от дальневосточного Спасска-Дальнего, формально начинается в восемнадцатом веке с екатерининского указа, плана города, расчерченного на ровные квадратики, и герба с черным крестом на красном поле. Если же подойти неформально, то надо будет отступить на пять с половиной веков назад и километра на три в сторону, чтобы... Чуть не забыл. Хорошо бы, конечно, рассказ о Спасске предварить эпиграфом. Эпиграфов, как и новостей в старом анекдоте, есть два. Первый принадлежит бывшему члену организации «Земля и воля» и спасскому мировому судье А. Н. Левашову: «Я приехал в Спасск осенью 1870 года и сразу был поражен свежестью и яркостью впечатлений. Обширная приочная луговая полоса, бесконечные леса в северной части уезда, простор с перспективой заманчивой дали, такие пункты, как город Спасск с его озерами, Старая Рязань... поражающие естественной красотой, все это захватило душу». Второй я нашел в письме писателя Сергеева-Ценского, который писал своему другу из Спасска: «Скука здесь страшная; общественной жизни совсем нет... Тоска! Тоска!» Сергей Николаевич в самом конце позапрошлого века служил в Спасской мужской гимназии преподавателем истории и в свободное от занятий время писал ужасно мрачные рассказы с говорящими названиями «Лесная топь», «Тундра» и, конечно, «Скука». Еще и населял некоторые из этих рассказов людьми, похожими на жителей Спасска. За это не помнящие зла жители Спасска называли его именем улицы⁹. Впрочем, кто теперь помнит Сергеева-Ценского со всеми его рассказами... Вернемся лучше к Спасску, вернее в те времена, когда он родился в первый раз.

Одна бусинка

Собственно Спасска тогда еще не было, но на высоком противоположном берегу Оки, как раз напротив того места, где сейчас расположен Спасск, стояла Старая Рязань – столица Рязанского княжества. Стояла на высоком обрывистом берегу, окруженная земляными валами, на которых были возведены деревянные рубленые стены с башнями. Стояла, но не выстояла. В декабре 1237 года ее разрушил, разграбил и сжег Батый со своими бесчисленными татаро-монголами. От Спасска к Старой Рязани ведет наплавной мост. Со стороны города у моста стоит несуразный двухэтажный дом, в котором помещаются гостиница, кафе, бильярд и русская баня. Называется все это «У Беды», потому что хозяин всего этого – мужчина по прозвищу Беда. У Беды кроме гостиницы есть еще две старинные пушки времен войны с Наполеоном, которые палят по праздничным дням холостыми, конечно, зарядами.

Так вот, про Старую Рязань. Теперь от нее осталось только ровное поле, поросшее травой, в котором торчат три колышка с прикрепленными к ним табличками «Успенский собор», «Спасский собор» и «Борисоглебский собор» да еще стоит одиноко чудом сохранившаяся кирпичная арка от церкви, построенной в начале прошлого века, рядом с которой фотографируются туристы, поскольку думают, что она домонгольских времен. Еще и пишут на ней все то, что пишут туристы. Трава на поле не так давно растет – еще совсем недавно здесь росли картошка с капустой и паслись коровы, из-под копыт которых нет-нет да и выбивались остатки средневековой керамики. Самое интересное здесь то, что лежит под травой, на глубине около

⁹ Конечно, если бы в Спасске поселились Толстой или Чехов, то с большим удовольствием жители Спасска называли бы улицу или даже площадь их именами, но они не жили и даже не проезжали мимо. Хотя... Чехов как-то проезжал Серпухов и написал: «Был в Серпухове, ел там биток с луком. Больше ничего не могу сказать об этом городе». И все. И навсегда. Нет, уж лучше тоска и скука в рассказах Сергеева-Ценского, которые, кстати, ругательски ругал Блок – и правильно делал.

полуметра или даже меньше. Самое интересное называется «кладами»¹⁰. Золотыми и серебряными. Их находили на территории городища начиная с девятнадцатого века. Директор Спасского краеведческого музея Марина Михайловна Ершова рассказывала мне, как в девяносто втором году...

...денег на раскопки не давали. Их, понятное дело, не давали и в девяносто первом. Их вообще не давали с семьдесят восьмого года. У начальника старорязанской археологической экспедиции Владислава Петровича Даркевича не то что руки, а даже лопата чесалась что-нибудь где-нибудь раскопать и выкопать. Где копать, он знал. Археологи такие места определяют просто – копают там, где до них никто не копал. Неопытные, конечно, сначала найдут высокое дерево, забираются на седьмую ветвь, стреляют из левого глаза мертвой головы на пятьдесят футов в юго-восточном направлении и только потом, отослав домой слуг и носильщиков, начинают копать, а опытные, такие как Даркевич, просто приходят в Спасский краеведческий музей и говорят: «Девчонки, тут есть одно место на городище – там еще никто не копал. Справа копали, слева копали, а вот там еще никто. И надо всего-то снять дерн да посмотреть, что под ним. Если что-то и есть, то оно лежит... Ну а не лежит – так и не лежит».

Девчонкам, конечно, интересно. И они, обливаясь потом на адской жаре, долбят лопатами землю, снимая самый верхний, самый каменный слой почвы. Копают, между прочим, безо всякого открытого листа. Какой же лист, когда денег на раскопки нет от слова совсем. Навстречу им едет мальчишка на велосипеде, которому тоже страсть как охота побыть археологом. Ему говорят, чтобы приходил завтра утром копать. Сначала находят остатки кухни, а в ней чешую и позвонки рыб. Марина Михайловна не рыбак и даже удочки ни разу в руках не держала, но размеры чешуи она мне показывала двумя руками. Вот какая рыба ловилась тогда в Оке. Потом находят закрытый замок, и становится ясно, что в дом этот никто с тринадцатого века так и не заходил. Потом начинают открываться контуры соседней комнаты, потом устают и уходят спать. Потом наступает утро, в восемь утра приходят девчонки на раскоп, приезжает мальчишка на велосипеде, ему дают лопату и указывают, где копать. Потом раздается его крик, все подбегают к нему и понимают, что до прихода Даркевича еще часа два. Найденные золотые бусы, подвески и серьги блестят так, что любой, кто посмотрит из деревни Старая Рязань, что находится под горой, или даже из самого Спасска на том берегу, на них, освещенных этим блеском, возьмет большой мешок, засунет острый нож за голенище сапога и пойдет не мешкая сюда, чтобы...

Когда Даркевич увидел всю эту груду золотых украшений, то он... нет, не пустился в пляс, не стал кричать, что это большой успех сов... нет, российской археологии, а посмотрел на своих чумазных копателей и тихонько сказал:

– Одну бусинку продать бы – вам, девчонки... и вашим внукам хватило бы.

Сказав это, он собрал все предметы до единого в большой мешок, приказал всем строго-настроено молчать и пошел вызывать милицию, чтобы отвезти клад в Рязань. Открытый лист на раскопки оформили задним числом и даже немного заплатили тем, кто копал. Две недели все молчали, как партизаны на допросе, а потом вдруг по радио передали, что в районе Рязани нашли какой-то клад, но что за клад и кто его нашел...¹¹

¹⁰ Батый подступил к Рязани в середине декабря и взял ее к исходу пятого дня осады. Закапывать в декабре в мерзлую землю, когда вокруг все горит и рушится, мягко говоря, не очень удобно – потому-то и лежат эти клады почти у самой поверхности.

¹¹ висит в Спасском историко-археологическом музее карта Рязанского княжества. Красивая – на цветном холсте блестящие бусинки-города. Нынешняя Рязанская область против тогдашнего княжества... И говорить нечего. Я спрашивал у директора музея: «Не пробовали ли рязанские власти хотя б заикнуться насчет того, чтобы Зарайск или, к примеру, Коломну вернуть? Уж ладно, про Тулу не вспоминаем». Нет, не заикаются. Какая там Коломна... Даже Елец, основанный Юрием Рязанским и теперь принадлежащий не Московской, а и вовсе Липецкой губернии, даже село Дубки, которое буквально в двух километрах от границы с Рязанской областью, бывшее когда-то городом Дубок в составе Рязанского княжества, не отдают. Нечего и говорить о Коломне и Зарайске. Между прочим, есть в Спасской церкви Вознесения Христова, что на городском

Зареческ

Мы, однако, совсем забыли про Спасск, который, в отличие от Старой Рязани, мало кто знает. Разве что археологи, которые, как Даркевич, приезжают из Рязани на время раскопок. А ведь он существовал уже и в старорязанские времена. Только назывался Зареческ, но находился как раз на том месте, где сейчас расположен Спасск. Зареческ упоминается в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях под 1136 годом. Сам Дмитрий Иванович Иловайский, большой знаток истории Рязанского княжества, в середине девятнадцатого века писал, что спасские старожилы еще помнят остатки земляных валов на месте городского сада, в котором иногда находили мечи, бердыши и средневековые монеты.

В тринадцатом веке Зареческ прекратил свое существование. Теперь сложно сказать, кто его разрушил. Конечно, можно все свалить на Батю и татаро-монголов, но если быть честным, то придется вспомнить, что за двадцать девять лет до Батю приходил воевать Рязань суздальский князь Всеволод Большое Гнездо – не любитель, но профессионал по части разорения чужих гнезд. Он, конечно, был не татарин и не монгол, но Рязань разрушил так, что и Батый бы позавидовал. Оставшиеся в живых рязанцы были переселены им на другой, лесистый берег Оки – как раз в те места, где тогда был Зареческ. Кто разрушил Зареческ – суздальцы или татаро-монголы, – неизвестно. Документальных свидетельств об этом мы не имеем. Как, собственно, нет ни одного документа, подтверждающего существование этого города. Первый документ появился лишь в 1535 году – в одной из писцовых книг Рязанского края упоминался Спас-Зарецкий монастырь. Из документа этого выходило, что монастырь существовал с 1483 года и имел обширные земельные угодья, в которые входило село Спасское. Если быть точным, то в писцовой книге Спасское было вторым в списке названий этого села, а первым была Васкина поляна. Тут надобно немного отступить и рассказать, почему село Спасское называли Васиной поляной.

Жил в тринадцатом веке епископ Рязанский Василий. То есть сначала-то он был епископом в Муроме, но там его одолели происки врагов, распускавших слухи о нецеломудрии Василия. Простодушные муромцы, поверившие наветам на епископа, собрались его изгнать. Некоторые из простодушных даже хотели его убить. Епископ недолго думая бросил свою мантию на окскую воду, встал на нее с иконой Богородицы в руках и поплыл против течения по направлению к Рязани. Простодушные муромцы, увидев, с какой скоростью Василий рассекает Оку против течения, тут же раскаялись и закричали: «Вернись, мы все простим!», но было поздно – мантия с Василием уже причаливала под стенами Рязани.

Василий в Рязани без дела не сидел – принялся за крещение проживавшей в окрестных лесах муромы, мордвы и мещеры. Место, где он любил это делать, и называли Васиной поляной. И только после того, как село Васкина поляна отошло к Спас-Зарецкому монастырю, его стали называть Спасским. Впрочем, названием Васиной поляны пользовались еще до середины семнадцатого века.

Никаких событий в Спасском, пока оно было за Спас-Зарецким монастырем, не происходило. Крестьяне сеяли хлеб и все, что полагается сеять крестьянам, плели лапти, собирали полные лукошки грибов с глазами¹², ходили на медведя с рогатиной и плавали с ней же на

кладбище, деревянная скульптура Николы Зарайского. Не из Зарайска, а из села Исады, что на противоположном берегу Оки. Не дай бог про нее узнают в Зарайске...

¹² В те далекие времена почти все рязанские грибы были с глазами. Мало того – с разноцветными. Палеомикологи пишут в статьях, что в Средние века рязанские грибы могли быть и с зелеными, и с серыми, и даже с голубыми глазами. Сейчас из-за плохой экологии нередки случаи, когда один или оба глаза на грибе закрыты бельмами, а то и вовсе их нет. В тех же случаях, когда удается найти гриб с глазами, то они, как правило, карие, разных оттенков – под цвет шляпки. Да и те смотрят не мигая, а раньше срезанные грибы еще часа три как минимум подмигивали.

многопудовых осетров и белорыбицу с такой огромной чешуей, о которой мне рассказывала директор Спасского историко-археологического музея. Монастырь между тем хирел и в 1764 году был упразднен. К тому времени богатое село Спасское успело от монастыря откупиться. И вовремя – через четырнадцать лет Спасску был пожалован статус уездного города.

Уездный город

Новоиспеченному городу был дарован герб – черный крест в кроваво-красном поле. Черный – в память о том пожаре, который уничтожил Старую Рязань в тринадцатом веке. По случаю обретения селом городского статуса были устроены трехдневные празднества. По тому же случаю городу была пожалована небольшая сумма на то, чтобы селу Спасскому придать, сколько возможно, городских черт. Городской голова голову сломал, думая, что на эти деньги можно сделать. В конце концов было решено... расширить теперь уже городское кладбище и обнести его каменной оградой. На оставшиеся деньги выстроили богадельню и по случаю приобрели в соседнем селе Селезенове церковь, которую зимой на катках перевезли в Спасск и сделали кладбищенской. Так случилось, что эта деревянная церковь и теперь единственная в Спасске. Строили, конечно, и после нее церкви и даже построили огромный каменный собор на центральной площади, но все сами же и разрушили. Преображенский собор возводили уже в девятнадцатом веке. Его колокольня высотой почти семьдесят метров была одной из самых высоких в Рязанской губернии. Висел на ней десятитонный колокол, который слышно было за пятнадцать верст от Спасска. Долго строили собор – семнадцать лет. Разрушали еще дольше – почти двадцать. В тридцать седьмом году стали разбирать купол собора, чтобы перестроить его во Дворец Труда с кинозалом на шестьсот мест и ложами для спасского начальства. И как только начали, так Спасск, который до этого был в составе Московской области, передали Рязанской. Новому областному начальству было не до дворцов с кинозалами, и полуразрушенный собор бросили. Так он и простоял почти до конца пятидесятих годов, пугая в сумерках прохожих черными провалами окон. Теперь и следа от собора не осталось. На его месте чахлый садик и аллея Героев Советского Союза. В садике, несколько в стороне от аллеи, стоит небольшая гранитная плита, на которой выбиты контуры собора и написано несколько слов о его недолгой и печальной истории. Еще остался рисунок собора на магнитике, который я купил в местном краеведческом музее. И кирпичи остались. Ими замостили ямы на дорогах.

Вернемся, однако, в новорожденный уездный город Спасск. Что нужно было делать с самим селом, чтобы превратить его в город, не знал никто. Кривые улицы никак не хотели выпрямляться, покосившиеся избы – стоять ровно, а камышовые крыши, даже если смотреть на них с противоположного берега Оки, никоим образом не походили на черепичные. Денег на выпрямление улиц никто давать не собирался. Помогло несчастье – пожар лета 1795 года уничтожил восемьдесят процентов всех построек в городе. Стали строить по линейке¹³. Географ Баранович в середине девятнадцатого века писал о Спасске: «Город оборонительных укреплений не имеет. На рубеже XIX века население в нем составляло 1353 человека. Полностью деревянный. Город разбит правильно, но дурно отстроен. Каменные здания отсутствуют. Главная площадь имеет правильную форму осьмиугольника. Просторна, но пуста. Маленькие домики расставлены согласно плану под углом друг к другу, как будто тяготятся своим положением».

¹³ И так прямо строили, строили и строили полтора-два года и даже чуть больше, пока, уже на излете советской власти в восьмидесятых, все равно не сбились на кривые улочки, перегороженные домами как бог на душу положит. Отчего-то не любим мы ничего прямого, а любим загогулины. Не в одном, между прочим, Спасске я такое видел. Тут, конечно, хорошо бы теории подпустить, почему так и отчего, но... нет. Это пусть теоретики размышляют. Я все же склонен думать, что городской архитектор где-нибудь в Н-ске или в М-ске, если подойти к нему с правильной стороны да не с пустыми руками... может подписать... да все, что нужно подписать, то и подпишет. Еще и печать поставит.

Ровно через год после пожара на Спасск обрушилась новая напасть. Рязанское наместничество преобразовали в губернию, и по этому случаю Спасск вывели за штат и лишили статуса города. И это при том, что дома уже стояли в линию, хотя и были дурно отстроены. Оказывается, некто Стерлигов, местный помещик, обратился в губернское собрание с предложением переименовать Спасский уезд в Борисоглебский и уездным городом сделать село Старая Рязань. Имение помещика Стерлигова^{14*} находилось аккурат... Не вышло ничего у Стерлигова. Спасская городская общественность, которая успела за несколько лет образоваться, добилась возврата в 1802 году статуса города Спасску. Навсегда.

И все же... новоиспеченный город как был селом – так им и оставался. Даже в середине девятнадцатого века в сборнике географических и статистических сведений о Рязанской губернии было написано: «Жители Спасска главные средства свои основывают на занятии, вовсе не свойственном горожанам... Они сеют гречиху чуть ли не в самом городе, не думая тщеславиться почетным званием горожан. От этого Спасск с первого же взгляда поражает своей чисто деревенской наружностью...» Город из деревни вывезли, но деревню из города вывезти не смогли.

И все же в Спасске и уезде начала развиваться промышленность. Развитие это поначалу напоминало внутриутробное. К примеру, было в 1820 году в городе два салотопенных завода. Один завод принадлежал мещанину Миронову, а другой купцу Мелешкину. Если сложить всех рабочих и мастеров, которые работали на этих промышленных гигантах, то получится ровно шесть. Даже не шесть с половиной. Зато в уезде было целых пять фабрик по производству зеркального стекла. Первую фабрику завел близ села Кирицы немец Боленс еще в 1780 году. Работали на ней крепостные и выписанный из заграницы мастер. Делали зеркала и каретные стекла. Между прочим, очень хорошего качества. Правда, кроме своего песка все остальное надо было привозить. Глину и известняк везли из Тульской губернии, а фольгу и вовсе из Англии. Продукцию поставляли в обе наших столицы и на три ярмарки: Нижегородскую, Ирбитскую и Харьковскую. Кирицкая фабрика была лучшей в России и в конце девятнадцатого века производила тридцать шесть тысяч пудов зеркал в год.

Рабочие одной из фабрик, которая принадлежала Тимофею Мелешкину, в честь окончания строительства городского собора отлили из зеркального стекла его макет. Жаль, что макет до нас не дошел. Правду говоря, может, они его и вовсе не отливали, но легенду такую жители Спасска рассказывают. Достоверно известно только то, что купец Мелешкин пожертвовал на

¹⁴ Пройдет ровно сто тридцать два года, и в тридцать седьмом году потомок помещика Стерлигова Иван Дмитриевич Стерлигов, человек крайне неуравновешенный, шизофренического даже склада характера, сообщит куда надо о том, что в Рязанском краеведческом музее созрел «эсеро-террористический заговор». Двадцать пять человек отправятся по его доносу в лагерь. Впрочем, и он сам, как «чистосердечно» во всем признавшийся, попадет в ту же мясорубку. Среди тех, кто отправился из-за Стерлигова на десять лет на Колыму, а потом еще на пять лет в ссылку в Красноярском крае, был Георгий Карлович Вагнер – искусствовед, выдающийся специалист по древнерусской архитектуре, именем которого и назван Спасский историко-археологический музей. Георгий Карлович родился в Спасске-Рязанском и детство провел в имении дедушки, в Спасском уезде. О «заговоре» и о том, какую роль в нем сыграл Стерлигов, я узнал из воспоминаний Вагнера, которые он написал уже тогда, когда можно было об этом вспоминать – в девяносто втором году. Частью эти воспоминания были опубликованы в нью-йоркском «Новом журнале», частью в «Московском курьере». Печатались они и в спасской газете «Знамя». Та часть, в которой описывается детство Георгия Карловича, проведенное в селе Исады возле Спасска в имении дедушки, вызвала, мягко говоря, неоднозначный отклик среди его земляков. Вот что пишет по этому поводу сам Вагнер: «...хочу сказать, что публикация моих детских воспоминаний о „земном рае“ у дедушки в Исадах, доброжелательно встреченная в центральной прессе („Русский курьер“), подверглась неприязни со стороны некоторых читателей моего родного города Спасска. Основание: как это человек, родители которого жили „не своим трудом“, мог предложить газете свои воспоминания? Читатель настоящих воспоминаний, вероятно, догадается, с чьей стороны была выражена классовая неприязнь. Увы, дух большевизма в провинции очень силен*». С тех пор прошло почти четверть века, а дух большевизма все никак не ослабнет. И не только в провинции.

* Дедушка Георгия Карловича, Владимир Николаевич Кожин, называл Спасск не иначе как Свинском. На подаренном внуку альбоме с репродукциями Айвазовского в конце дарственной надписи он сделал приписку: «Город Свинск». Мы, конечно, спишем этот Свинск на счет обиды выгнанного новой властью из своего дома дедушки.

строительство собора сто с лишним тысяч рублей. Значит, производство зеркального стекла было прибыльным.

Прибыли и само производство закончились практически в одночасье. В начале двадцатого века правительство, которое до этого запрещало ввоз из-за рубежа зеркального стекла, разрешило его. Английское зеркальное стекло стоило в полтора раза дешевле. Последний хозяин кирицкой фабрики, барон С. П. фон Дервиз, приказал разломать ненужные фабричные корпуса и битым кирпичом замостить дорогу к железнодорожной станции.

От тех зеркальных и стеклянных времен в музее остались несколько старых фотографий и шарик размером с кулак, изготовленный в конце восемнадцатого века на Кирицкой зеркальной фабрике. Внутри прозрачного шарика виднеется что-то белое, зеленое и красное, но что – не разобрать. И еще. Есть в Спасском районе поселок, где когда-то была одна из пяти фабрик, на которых делали зеркальное стекло. Фабрики, конечно, давно нет, а вот поселок до сих пор называется Старостеклянным.

Купец третьей гильдии Афанасий Панкрашкин, не отставая от купца Мелешкина, завел в 1823 году кожевенное производство. Завод Панкрашкина по сравнению с фабрикой Мелешкина и салотопней Миронова был просто гипермаркетом среди ларьков – на нем в разное время работало от пяти до четырнадцати человек! Самое удивительное, что этот завод и до сих пор жив. Панкрашкин был не очень богатым купцом. Основать завод у него хватило капитала, но развивать его денег уже не было. Пошел завод по рукам и ходил по ним, пока перед самым семнадцатым годом его не купила виленская компания «Рубинштейн, Ительсон, Бройдо и Гурвич». Завод, который до этого не имел названия, стал называться «Прокож». Не то чтобы это название было красивым, но после семнадцатого года «Прокож» и вовсе стал кожзаводом имени Ленина. Выпускал он гамбургские шагрени и черный хром, из которых в рязанских обувных мастерских делали дорожную обувь и сапоги. В семнадцатом году, после Февральской революции, передовые рабочие «Прокожа» вышли на демонстрацию к зданию городской думы, чтобы высказать все, что у них наболело. Наболели у них восьмичасовой рабочий день, повышение зарплаты, политические свободы и далее везде. В первых рядах демонстрантов шел... Рубинштейн, который понимал, что раз уж задушить рабочее движение не получится, то лучше его возглавить. Шел и пел: «Долго в цепях нас держали, долго нас голод томил. Черные дни миновали, час искупленья пробил». Когда час искупленья пробил, истомленного голодом Рубинштейна летом того же года сменил Гурвич, который управлял заводом первые годы после прихода к власти большевиков. Потом... долго рассказывать. Кожевенное производство сложное, вредное и непонятное – отмочно-зольное, дубильное, красильное, мездрильные и строгальные машины, гляцевый и стелечный полувал... Черт ногу сломит. Еще и отравится. В советское время выпускал завод, среди прочих видов продукции, кожу, из которой делали велосипедные сиденья. Наверное, и сейчас выпускает. Так что многие из нас заочно знакомы со Спасском. Ну, не совсем заочно, а... Короче говоря, знакомы.

Мы, однако, слишком забежали вперед. Вернемся в девятнадцатый век и закончим обзор промышленности Спасска и уезда. Кроме производства зеркальных стекол и обувных кож в Спасске работали уж и вовсе крошечные крахмало-паточный и железоделательный заводы. Меньше них были только кустари-одиночки, которые плели лапти, делали деревянную посуду, ковали гвозди и тачали сапоги.

Работы, однако, всем не хватало. Крестьяне традиционно занимались отходничеством. Тогда не было такой нужды в охранниках, как сейчас, и крестьяне шли в города работать извозчиками, плотниками, каменщиками, землекопами и домашней прислугой. При этом крестьяне с правого берега Оки шли в основном в фабричные разнорабочие, а левый берег поставлял каменщиков, извозчиков и прислугу. Между прочим, крестьяне Спасского уезда из села с удивительным названием Деревенское своими руками замостили брусчаткой Красную площадь в Москве. Хорошо замостили, на совесть.

Богатых купцов первой гильдии в Спасске не было. Никто не строил себе каменных особняков с колоннами и лепными украшениями. Мещане строили небольшие деревянные домики, богато украшенные резьбой, а купцы жили в традиционных каменно-деревянных домах. Спасск, по меткому замечанию Г. К. Вагнера, напоминал Суздаль. Теперь от этого Суздаля мало что осталось – что-то сгнило и развалилось, что-то перестроено так, что и узнать нельзя, где-то убраны резные наличники и вставлены пластиковые окна, а где-то и вовсе все обшито сайдингом до полусмерти. И все же... Нет-нет да и встретится на улицах Спасска домик с резными наличниками, с геранью в окошке, с кошкой, сидящей рядом с этой геранью и намывающей гостей, при виде которого хочется сказать: «Ну вот, наконец-то я и дома. Дальше без меня. Какая, к черту, Москва... Надо георгины выкапывать, грядки в теплице готовить к зиме и капусту квасить».

На одной из улиц показала мне директор музея когда-то красивый и большой по меркам уездного городка заброшенный двухэтажный кирпичный дом без крыши и без окон. Раньше в нем был Дом пионеров, а еще раньше Зимний театр, построенный перед Первой мировой. До Зимнего театра в городе был Летний, деревянный, случайно сгоревший, а до Летнего ставили спектакли в актовом зале городского училища. Удивительно, но маленький, не очень богатый, мещанский, купеческий и вместе с тем интеллигентный Спасск был городом завзятых театралов.

В девятисотом году Комитет народной трезвости Рязанской губернии постановил организовать во всех уездах театры. В этом же году в Спасске была создана театральная труппа, костяк которой составляли земские врачи и учителя. Через два года состоялся первый спектакль в актовом зале городского училища. От одного из спектаклей той поры осталась афиша, которая теперь висит на стене одного из залов музея¹⁵. Обычный спектакль в обычном любительском театре обычного уездного города. Комедия-фарс под названием «Как кур во щи». Билеты в первых трех рядах стоят несусветных денег – три рубля. Стоячие места – всего полтинник. На генеральную репетицию билеты тоже продавали. Вследствие недостаточной приспособленности помещения зрительного зала и в интересах общего удобства публики дамы благоволят занимать места партера без шляп. В антрактах и во время танцев играет духовой оркестр. После спектакля танцы до четырех утра. Если позволит погода, то будет фейерверк.

Удивительно и то, что даже в двадцатом году, когда фейерверк, устроенный большевиками в семнадцатом, вовсю еще чадил, дымил и плевался огненными искрами, в Спасске работало два кинотеатра и две самодеятельные театральные труппы. Силами этих трупп были поставлены оперетты «Ночь любви» и «В волнах страстей». Это в двадцатом-то году. Это в Спасске, в котором тогда жило немногим больше шести тысяч жителей.

...Ветер хлопает пустыми полусгнившими рамами, сквозь щель в досках, которыми забиты окна на первом этаже, в дом пролезает рыжая кошка, а ты стоишь и повторяешь про себя: «Дамы благоволят занимать места партера без шляп. В антрактах и во время танцев играет духовой оркестр». Кстати, об оркестре. Он до сих пор играет. Он давно не военный, он просто духовой и просто замечательный. Жаль только, что дамы теперь не носят шляп, которые нужно снимать в интересах общего удобства публики.

Вообще культурная жизнь в начале прошлого века в Спасске была насыщенной. Мало кто знает, что спасский земский врач С. П. Казанский перевел «Песнь о Гайавате» едва ли не раньше самого Ивана Бунина. Понятное дело, что перевод Бунина... но Казанский все равно раньше. В восемнадцатом году, когда в уезде все кипело и пенилось, когда бушевала продроз-

¹⁵ Под афишей на полу стоят три швейные машинки «Зингер». Швейные машинки «Зингер» для наших провинциальных музеев – все равно что бивни мамонтов. Без них не обходится почти ни одна экспозиция. Одна из музейных швейных машинок до недавнего времени была на ходу, и на ней даже подшивали все музейные шторы до тех пор, пока какой-то посетитель не украл из нее челнок.

верстка, когда большевики подавляли выступления поздно опомнившихся крестьян и эсеров¹⁶, когда в пустующих и разграбленных дворянских усадьбах организовывались первые коммуны, в Спаске открылся музей. Туда свезли все то, что успели спасти от революционно настроенных масс. Инициатором создания музея и первым его директором был Александр Федорович Федоров, местный почтмейстер. Советская власть в восемнадцатом еще не успела упразднить почтмейстеров. В прихожей музея, там, где продают билеты, магнитики с видами Старой Рязани и глиняные свистульки, висит огромный портрет Александра Федоровича в форме, со шпагой, со «Станиславом» и медалями «За усердие» на груди¹⁷. Взгляд у первого директора до того строгий, усы так велики... Однажды, уже после того, как советская власть приказала долго жить, зашел в музей посетитель, взглянул на портрет Федорова и робко спросил у Марины Михайловны:

– Это что, теперь мода такая – у входа в музеи портреты царей вешать?

Между прочим, спасенного из дворянских усадеб было не так уж и мало. Были, на минуточку, картины Кипренского и Серова. Теперь-то их забрала Рязань в свою художественную галерею. Чтобы вернуть их обратно, надо идти брать приступом Рязань, как Батый. Татар на это дело, наверное, еще можно подбить, а вот монголов...¹⁸

«Красный кустарь»

Когда от военного коммунизма население готово было завывать волком и уже стало потихоньку подвывать, начался нэп. В Спаске он привел к невиданному расцвету артелей. В них записались кустари-одиночки без моторов и с моторами. Даже со швейными машинками. В двадцать седьмом девять храбрых портных объединились в артель «Игла», шестьдесят пять сапожников – в артель «Красный кустарь», восемь жестянщиков образовали артель «Смычка». Артель «Игла» после войны, в пятьдесят шестом, стала фабрикой, артель сапожников превратилась в комбинат бытового обслуживания, а вот «Смычка», в которой после войны работали инвалиды, в шестидесятые стала выпускать санки. Те самые, с разноцветными желтыми и красными деревянными планками, на которых мы все катались – мальчишки на тех, у которых не было спинки, а девчонки на санках со спинкой. Была еще артель «Красный весовщик», которая выпускала многотонные весы. Теперь нет ни артелей, ни фабрик, ни санок с многотонными весами, и только сапожник в комбинате бытового обслуживания прибывает, как и прежде, оторвавшиеся подметки и набивает новые каблуки взамен стершихся.

¹⁶ Спасский уездный комитет бедноты в ноябре восемнадцатого телеграфировал Ленину: «Сознавая всю важность и ответственность дела организации городской бедноты по снабжению хлебом и предметами первой необходимости, а также сельскохозяйственными орудиями, бдительно стоит на страже трудящихся масс и неукоснительно проводит в жизнь все правила по созданию новой жизни. Убирая с пути капитал и приспешников его по всем правилам искусства Советской власти, комитет глубоко верит, что дорогие вожди Российской революции в лице Вашем доведут дело до желательных результатов, опираясь на силу комбедов и Красной Армии...» Вот оно – самое важное из всех искусств советской власти, а вовсе не кино с цирком, про которые нам так долго рассказывали.

¹⁷ В музее я только сфотографировал портрет, а дома стал внимательно рассматривать фотографию, чтобы определить какие награды были у Федорова. Довольно легко определил, чем он был награжден. Смutilo меня только то, что одна из медалей «За усердие» была на голубой ленте, а вторая – на красной. Стал я искать, на какой ленте она должна быть, и выяснил, что лента должна быть бело-красной – в точности такой же, как на ордене Святого Станислава. Наверняка писал художник этот портрет по черно-белой фотографии, и голубая лента между двумя красными показалась ему красивее, чем все три красные. Написал я о своих сомнениях директору музея, и она мне ответила, что так оно и было. В девяностом году приехал из Москвы художник, которому власти велели написать картины прекрасной советской действительности, портреты передовиков производства, а заодно и на исторические темы. Он и написал одним махом два десятка картин. Где уж тут было ему выяснять, какого цвета ленты на медалях.

¹⁸ Из того драгоценного, что было вывезено из дворянских усадеб и на что не позарилась Рязань, остался в музее огромный, трехметровой высоты, дубовый книжный шкаф из имения Луниных. Стоит он в комнатке, где работают сотрудники музея, и забит до самого верха краеведческими и другими книжками. Даже и глаза закрывать не надо, чтобы представить, как маленький Миша Лунин привставал на цыпочки или залезал на стул, чтобы взять книгу или альбом из отцовского шкафа.

В тридцать восьмом на экраны вышел фильм Эйзенштейна «Александр Невский». Его в Спасске смотрели все и по нескольку раз, потому что роль кольчужного мастера Игната в нем играл их земляк Дмитрий Орлов, который в тридцать девятом сыграл рабочего Коробова в фильме «Ленин в 1918 году», а в сорок втором замечательно играл Кутузова в спектакле «Давным-давно» и еще во множестве фильмов и спектаклей, которые теперь никто, кроме директора Спасского музея, и не упомнит.

Война до Спасска не дошла, но была рядом. Сапожники тачали солдатские сапоги, портные шили солдатские ватники и меховые жилеты, и даже артель жестянщиков выполняла военные заказы. Из тех тридцати двух тысяч человек, которые ушли из Спасска и района на войну, не вернулось двадцать две. Из тех, которые ушли, – восемнадцать героев Советского Союза и пять полных кавалеров ордена Славы.

Если говорить о демографии, то от войны Спасск и район так и не оправились. На фронт ушло тридцать две тысячи, а теперь проживает в городе и районе двадцать шесть тысяч. Зато после войны стремительно стала расти в Спасске длина водопроводной сети. Если сравнить данные семьдесят восьмого года с данными тринадцатого, то получается интересная картина. В тринадцатом году на каждого жителя Спасска приходилось по нескольку сантиметров водопроводной сети. Это если на всех разделить, а если не делить, то и говорить вообще не о чем. В семьдесят восьмом в Спасске было уже девятнадцать километров водопровода, то есть на каждого жителя приходилось по два метра и пять сантиметров труб, кранов и вентиляей. Еще раньше, в шестидесятом, начали дороги внутри города мостить камнем. Впервые в истории Спасска появились асфальтированные тротуары. Больше всех этими дорожными усовершенствованиями были возмущены спасские куры и петухи. Их можно понять – клювы у них не казенные. Заработал изо всех сил молочный комбинат неподалеку от Спасска, в селе Ижевском, производивший концентрированное молоко, которое поставляли даже на Кубу и в Нигерию.

Пироги с капустой и ромовые бабы

В шестьдесят седьмом стали восстанавливать историко-археологический музей. Его, может, и не нужно было бы восстанавливать, если бы еще раньше его не решили закрыть. Советская власть, хлебом ее не корми, любила все укрупнять. Вот и решила она, что нет никакого смысла содержать маленькие районные музеи. Достаточно тех, которые есть в областных центрах. Кому страсть как охота в музей – тот сядет на автобус, или на поезд, или на паром и поедет в область. В областном музее и будет все самое ценное из того, что забрали в музеях районных. Что же до не представляющего ценности, то его можно раздать желающим. Не говоря о том, чтобы просто выбросить. Поплакали в Спасском музее и стали пристраивать экспонаты по разным учреждениям. Чучела животных раздавали даже в детские сады. Потом, когда все же власти... нет, не одумались, но разрешили воссоздать музей, пришлось давать объявление в местную газету с просьбой вернуть то, что осталось. Кое-что вернули...

Кстати, о чучелах. Есть в музее зал, посвященный природе. Вернее, Окскому природному заповеднику, который в тридцать пятом году организовали в Спасском и соседних с ним Клепиковском и Касимовском районах. Создали его с целью сохранить почти истребленную к тому времени выхухоль. Когда-то в здешних местах ее было так много, что лошади отказывались пить воду из некоторых водоемов – так она пахла мускусным секретом этих водяных кротов. В местном музее, в зале природы, есть два чучела выхухолей – маленькие, серые и незаметные. Они теряются на фоне огромных бивней мамонта, рогов доисторических туров, чучел кабана, волка и серой цапли. В свою очередь и бивни, и рога, и кабан с волком теряются на фоне чучела обыкновенной рыжей лисы, которой мастер-чучельник исхитрился сделать такую

морду и такие умоляющие глаза, что мне все время хотелось сказать ему (чучелу, а не мастеру): «Выйдет сегодня Колобок, выйдет. И не один, а с братом».

Впрочем, может, это чучело долгое время стояло в детском садике. Если каждый день к тебе подходит маленький мальчик или маленькая девочка, чтобы пальцем, или палочкой, или гвоздиком... Тут даже и чучело не выдержит.

В перестройку и особенно после нее Спасску пришлось туго. Концентрированное молоко было где угодно – и в Москве, и на Кубе, и в Нигерии. Только в Спасске его не было. В Спасске и неконцентрированного... До Кубы и Нигерии далеко, а потому за ним и за всеми остальными продуктами пришлось ездить в Москву. Летом было проще – когда на Оке открывалась навигация, то приходили плавучие магазины. Их так и называли – «плавучки»¹⁹. Там можно было купить даже колбасу. Не языковую или телячью, а просто колбасу. С работой тоже стало не очень. За ней тоже надо было ехать в Москву. Даже после того, как продукты в Спасск вернулись. Впрочем, однажды Спасску повезло. Сгорела в Москве итальянская мебельная фабрика. К счастью, только фабрика. Восстанавливать ее решили уже не в столице, где все дорого и мебельных фабрик хоть пруд пруди, а в Спасске, где за все и всем можно платить меньше. Особенно всем. Тем не менее поначалу было хорошо, когда была сдельщина. Можно было заработать и тридцать, и даже сорок тысяч, что по меркам Спасска очень даже хорошие деньги, если учесть, что огурцы, картошка, грибы, клюква, куры, яйца, окуни и караси свои. Потом, когда незаметно подкрался кризис, когда перевели на оклад, стали штрафовать за опоздания, когда разрешили курить только спустя два часа после начала рабочего дня, да еще и повесили в каждом углу камеры... А куда пойдешь? Опять охранником в Москву ехать и вахтовым методом там есть пластмассовую китайскую лапшу? То-то и оно.

И все же есть в Спасске одно предприятие, которое работало всегда – и всегда его продукцией все жители города были довольны. Это хлебокомбинат. В магазине, что при комбинате, продают такие булки с маком, такие пироги с капустой и такие ромовые бабы, вкус которых, даже после того как ты их съел, остается во рту чуть ли не до самой Рязани.

Октябрь 2016

БИБЛИОГРАФИЯ

Монгайт А. Л. Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 228 с.: ил.

Кузяков А. М. Контуры и котурны Спасска-Рязанского. Тула, 1993. 84 с.

Ростовцев М. И. На приокских просторах. М.: Мысль, 1975. 224 с.; 12 л. ил.

Города и районы Рязанской области: Историко-краеведческие очерки / Сост. С. Д. Цуканова. Рязань: Моск. рабочий, 1990. 607 с.

Голдабенков Н. А., Шаров П. А. Спасск: Историко-краеведческие очерки города и района. Спасск-Рязанский, 1994. Ч. 1. С. 177.

На земле Рязанской: Памятные места Рязанской области: Путеводитель / Сост. В. П. Башков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976. 304 с.: ил.

Материалы географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. СПб., 1860. 570 с.

¹⁹ «Плавучки» причаливали к пристани. Была в Спасске красивая нарядная деревянная пристань. Дебаркадер, как сказали бы речники. Долго была, а потом... сплыла. Уже когда появились губернаторы, какой-то из них утащил ее к себе в имение. И то сказать – не причаливать же ему свою яхту просто к берегу или к сколоченным из досок мосткам.

ЛЕВ, ПОКРЫТЫЙ ГЛАЗУРЬЮ

В Скопин приехал я вечером второго января и поселился в новой гостинице под незазейливым названием «Гостинный двор». Ни кафе, ни ресторана при гостинице еще не устроили, но женщина, сидевшая за стойкой, посоветовала поужинать в лучшем городском ресторане под названием «Метрополь». Дойдете, сказала, до первого поворота направо, потом свернете, потом пройдете вдоль длинного глухого забора и упретесь в памятник Ленину. Повернитесь к нему спиной и увидите «Метрополь». Там рядом есть еще ресторан «Скопин» – не ходите в него. Плохо там готовят. Хуже только в пиццерии, которая в соседнем с рестораном доме. Только, ради бога, смотрите под ноги – улицы у нас от снега и льда не чистят. И близко к домам не ходите – с крыш падают сосульки.

Я пошел. Оказалось, что ко всем этим наледям и сосулькам нужно было добавить еще и плохое освещение. Пробираясь вдоль забора, дошел до памятника вождю мирового пролетариата, с удовольствием повернулся к нему спиной и увидел сияющую вывеску закрытого на замок кафе «Метрополь»²⁰. Ресторан «Скопин» тоже был закрыт. Оставалась только пиццерия...²¹ Она была приветливо освещена, и это мне понравилось больше всего, поскольку из подзаборной темноты вдруг вынырнули два шкафа с антресолями, и один из них, в спортивной шапочке, которую в народе называют «петушок», сказал другому:

– Априори известно, что эта железа секретирует...

– Черт бы тебя побрал вместе с этой железой, – подумал я с огромным облегчением. – Секретирует железа. Еще как секретирует. Я от этого секрета вспотел, как...

Маленький деревянный острожек

Впрочем, все это было лишь предисловие, из которого мы возьмем только забор, за которым теперь находится городской стадион. Стадион мы тоже не возьмем, а возьмем лишь то место, на котором его построили. Именно здесь четыреста двадцать лет назад поставили маленький деревянный острожек, который назвали Скопин. До острожка приблизительно на этом же месте было городище, которое археологи назвали Лихаревским, а до городища здесь, в болотистых лесах бассейна реки Прони, жили сами по себе тихие вятичи, а до вятичей – еще более тихие и робкие финно-угорские племена, которых вятичи частью ассимилировали, а частью вытеснили к северу. Сами вятичи, может, и не стали бы теснить финно-угров, кабы их самих не потеснили воинственные степняки-половцы. К концу десятого века вятичи заселили все эти места, обжились настолько, что стали даже закапывать монетные клады в своих укрепленных поселениях. Задолго до археологов любили эти клады раскапывать половцы. Набегут, все пожгут, разграбят, перекопают все огороды в поисках кладов и обратно к себе в половецкую степь ускачут. Ну а вятичам ничего не остается, раз уж все перекопано и пеплом удобрено, как снова сеять то, что они сеяли. Чего, спрашивается, не сеять, если в этих местах только одного чернозема целых три сорта, а всяких суглинков, песков, торфяников и вовсе без счета. Вот только все надо было делать быстро, чтобы успеть разбогатеть до следующего набега половцев. Крутились как могли – добывали меха, ловили и вялили рыбу, выращивали отличные яблоки,

²⁰ А я-то уж предвкушал, как буду иронически сравнивать его с московским рестораном при гостинице «Метрополь», в котором, между нами говоря, ни разу и не был.

²¹ Удивительное меню было в этой пиццерии. Пицца с копченым салом, пицца «Кальцоне-Аль-Верде» со шпротами и крабовыми палочками, пицца «А ля рус» с картошкой, мясом и зеленью. Удивительно, что не с винегретом или оливье. Сама пицца – обычный открытый пирог с картошкой, курицей, сыром и укропом. Очень сытная, надо сказать. Если заплатить еще десять рублей, то тебе дадут коробочку, чтобы ты мог унести остатки домой и покормить жену или кошку.

которые покупали даже иностранные купцы, собирали дикий мед, а местные малютки-медовары варили из него такую медовуху... Лучше бы не варили. Прослышали о хорошей жизни вятичей славяне. И пришли они в эти места из Киева под водительством своего князя Святослава в девятьсот шестьдесят шестом году²². Вынесли все. Даже яблоки, которые не смогли увезти, понадкусывали. Половцы, которые пришли на пустое после славян место, просто рвали и метали. Даже не стали все перекапывать, как обычно, в поисках кладов. А уж как все это не понравилось самим вятичам...

Через полтора десятка лет славяне пожаловали во второй раз. На сей раз привел их князь Владимир. От него было не так просто отвертеться. Вятичи вместе со всеми своими яблоками, медом, рыбой, пшеницей и тремя сортами чернозема оказались в составе Киевской Руси.

Как ни крути, а от киевлян, особенно тогда, когда они свою продразверстку заменили продналогом, была польза. Половцы прекратили свои набеги. Почти весь одиннадцатый век прошел спокойно. Почти – потому что к концу века в Киеве начались междоусобицы. Киевские князья перегрызлись между собой, и от ослабшей Киевской Руси отделилось большое Муромо-Рязанское княжество. Оно состояло, в свою очередь, из трех уделов, трех княжеств – Муромского, Рязанского и Пронского. Муромский, рязанский и пронский князья, понятное дело, тоже грызлись между собой и, конечно, догрызлись бы до мышей, кабы не пришли татары с монголами. Но еще до того, как они успели прийти, муромские, рязанские и пронские князья успели повоевать с московскими и владимирскими князьями. Иногда и пахать приходилось с оружием. Городища окружали уже не только земляными валами, но и рублеными крепостными стенами с бойницами. Как раз около современного Скопина в начале прошлого века раскопали такое городище. Крестьяне, несмотря на хорошо прожитый одиннадцатый век, в двенадцатом все еще жили в полуземлянках, обложенных деревянными плахами. Зато имелись у них глинобитные печи. Вообще глина в этих местах была, и аборигены научились из нее делать и посуду, и печи, и множество других полезных вещей. В одной из печей археологи нашли железный шлак. Вот так они, скорее всего, и жили – сварят на первое кашу из полбы или овса, а на второе и компот выплавят железа для серпов или мечей.

Все эти непрерывные войны всех против всех криминогенную обстановку, понятное дело, не улучшали. По окрестным лесам шныряли шайки лихих людей. И шаек этих становилось все больше и больше. Другими словами, они скапливались. Третьими словами, у них было в окрестных лесах скопище. От существительного «скопище» проведем извилистую кривую к городу Скопин и... Самим скопинцам такое объяснение не нравится ни разу, и они утверждают, что название городу дала хищная птица скопа, издавна селившаяся на лето в этих краях. Есть и еще одна гипотеза о происхождении названия города. Поставили городок на холме, а верхушку холма при этом срыли. Иными словами, скопали. Вот он и получился скопанным. Признаться, так себе гипотеза. Кто же на герб поместит лопату и кучу срытой земли? Говорят, что название могло произойти от глагола «скопить». Жили, мол, в этих местах такие не то чтобы скопидомы, а хозяйственные, рачительные люди, которые все копили, копили и скопили... Нет, уж лучше разбойники. Хотя в какой-нибудь Германии такая версия, наверное, устроила бы всех. Так или иначе, а на городской герб попала скопа. Впрочем, до города было еще очень далеко. Была крепость, которая назвалась Острожком и входила в Засечную черту.

²² Славяне пили много. Не потому что любили выпить, совсем наоборот, а потому что носили длинные усы, по которым все время текло, а в рот не попадало. Приходилось пить раза в три или даже в четыре больше против обычной нормы, чтобы хоть немного опьянеть.

Крепость бояр Романовых

Земли, на которых стоял Острожек, когда-то входили в состав Пронского княжества. Вместе с Пронском они и перешли к Москве, когда татары с монголами ослабли настолько, что московские князья стали мало-помалу прибирать к рукам земли вокруг своей столицы. С вхождением в состав Московского княжества надобность в такой крепости не только не ослабла, но усилилась. Постоянно беспокоили крымские и ногайские татары. На вольных разбойничьих хлебах расплодились, как кролики, казаки, которые жили грабежом и тащили все, до чего дотягивались их руки с зажатými в них саблями, кистенями и булавами. С одной стороны, они защищали Придонскую Украину от набегов кочевников, а с другой – грабили и кочевников, и крестьян. С третьей стороны – а как же иначе, если казаки отродясь нигде не работали и умели только рубить лозу, капусту и головы.

Принадлежала крепость боярам Романовым – сначала Федору Никитичу (отцу Михаила Федоровича), потом его брату Ивану Никитичу, а затем сыну Ивана Никите Ивановичу. После того как бездетный Никита Иванович умер, Скопин-острожек, как его называли в документах первой четверти семнадцатого века, стал вотчиной царской династии Романовых.

Три стены крепости были земляные, а четвертая, обращенная к протекавшей в черте города реке Вёрде, деревянной, с восемью башнями. Девятая башня была земляной. Ворота имелись всего одни. Простенькая, надо сказать, была крепостца. Постоянно обитали в ней начальство и те, кого содержали под стражей за различные правонарушения. Стрельцы, пушкари и воробтники (сторожа при воротах) жили рядом с крепостью в своих слободах. Неподалеку от этих слобод селились крестьяне, которые в случае опасности прятались за крепостные стены. Расположение крепости было удачным: стояла она на холме высотой в семьдесят саженей, с одной стороны болото, с другой стороны – река Вёрда, с третьей стороны – река Вослебка²³, с четвертой стороны – река Песоченка, а с пятой – река Калика. Теперь аккуратно на этом месте находятся городской стадион и памятник вождю мирового пролетариата.

К концу семнадцатого века вооружена была эта крепость достаточно серьезно – дубовые стены на земляных валах, восемь башен и две калитки. По описи 1688 года, было в крепости восемнадцать пушек, три кованые пищали, полторы сотни мушкетов на вооружении у стрельцов и казаков, еще немногим более сотни в амбарах, а сверх того, рогатины, бердыши, правда ветхие, пороха больше сотни пудов, полсотни пудов свинца, полтысячи крупных ядер, сотня средних, еще мелкие, еще четыре багра и десять пудов фитилей. При таком количестве фитилей их можно было вставлять... Не стоит, однако, думать, что скопинский воевода только и развлекался тем, что вставлял, кому хотел, фитили, проводил из пищалей учебные стрельбы и заставлял пушкарей, чтобы служба им медом не казалась, на учениях переносить ядра с места на место и складывать из них разной высоты пирамиды. Романовым принадлежало вокруг Скопина около десяти тысяч гектаров плодородных земель. И на этих землях хозяйственные Романовы предписали устроить скопинскому воеводе настоящий агропромышленный комплекс, чтобы снабжать Москву и армию продовольствием. И хлеб пришлось сеять, и коневодством заниматься, и гусей разводить, и свиней, и овец, и даже кур. Воевода оказался исполнительный и в свободное от размахивания саблей время устроил на вверенных ему землях такой образцовый свиначник, курятник и гусятник, что из Москвы ему 11 января 1689 года прислали похвальную грамоту с перечислением всех его производственных заслуг. Среди прочего в ней перечисляли отосланные в столицу столовые припасы: «тысеча пять сот сорок один пуд с полу пудом мяса свиных, тысяча гусей, две тысячи уток с потрохами, тысеча чытыреста сорок две курицы колотых». И это не считая пшеницы, гречихи и овса, которых запаса-

²³ Сначала эта речка называлась Вослебедью, потом Вослебой, потом Вослебкой, а теперь и вовсе ее называют Жабкой.

лось в год на пять тысяч рублей. И денег. Что воевода сделал с этой грамотой, доподлинно неизвестно – то ли положил в сундук, к медалям и кафтану с царского плеча, то ли повесил на стену съезжей избы, то ли запил от расстройства из-за того, что вместо денег прислали хоть и похвальную, хоть и с красивой висячей печатью, но все же бумагу.

Само собой, строились в Скопине и церкви. При одной них, Пятницкой, по указу из Москвы в 1688 году на Торговой площади построили две богадельни – мужскую и женскую. В каждой из них обитало по три десятка человек. Недолго, надо сказать, обитало, поскольку от «безстыдных людей и их слов жить было нельзя». Отчего-то скопинцы так невзлюбили старушек, обитавших в богадельне, что те искали защиты даже в Москве. И нашли. Пришлось местному стольнику Аврааму Пасынкову строить на отшибе, на пустующем конюшенном дворе, сначала церковь, а затем и целый монастырь, который просуществовал до екатерининских времен.

Нельзя сказать, что, кроме войны со старушками из богадельни и выращивания свиней с утками к царскому столу, у скопинцев других развлечений не было. На дворе стоял семнадцатый, «бунташный» век, и скучно не было никому – то придут поляки с Самозванцем, то Болотников, то разинские атаманы, то казаки с Дона, то просто разбойники с большой дороги, то беглые крестьяне вместе с донскими казаками так жгут и грабят помещичьи усадьбы, что и разбойники позавидуют, то рязанские помещики во главе с героем Смутного времени Прокопием Ляпуновым жгут деревни и села, а крестьян и казаков секут, бьют батогами, кнутом, вешают и снова секут, бьют батогами... А то как принесет злым и пыльным ветром из-за Дикого поля крымских татар с ногайцами, как начнут они грабить и резать всех без разбору, как станут уводить в полон...

В промежутках между всеми этими безобразиями скопинцы умудрялись торговать хлебом, скотом, выделывать кожи, вытапливать сало, ковать гвозди, подковы, все это вывозить возами на север и продавать. Особенно хорошо получалась у них глиняная посуда. Сначала обычная, потом обливная, потом просто красивая. Продавали ее и в Рязани, и Москве, и в Нижнем, и в Туле, и во Пскове. Самое удивительное, что гончарное искусство (у скопинских мастеров именно искусство, а не ремесло) не захирело, не умерло, как это часто у нас случается, не осталось в виде пяти или десяти пыльных кувшинов на музейной полке, а процветает и сейчас.

Не будем, однако, забегать вперед. Вернемся в семнадцатый век. Было и еще одно ремесло, которое скопинцы освоили так успешно, что власть их за это начала наказывать рублем, а тех, кто не вразумлялся большими штрафами, тех и кнутом потчевали. Курили скопинцы вино. Ох и курили... Воевода Василий Даудов в конце семнадцатого века снарядил семь стрельцов и четырех посадских людей, чтобы ходили они по домам, как заправские советские дружинники, и... у одного подьячего конфисковали три винных котла, у второго – два, а у третьего – железный котел для варки браги. Не просто так ходили и во все без разбору дома стучались, а кто-то заранее, мягко говоря, просигнализировал...²⁴

Из приказа в приказ

На восьмом году восемнадцатого века Петр Первый приписал Скопин к Азовской губернии по корабельным делам. Петр Первый мог кого угодно и что угодно по корабельным делам приписать к кому угодно. Скопин приписал к Азову, который от него был дальше, чем Москва, не говоря о Рязани. И все из-за того, что в окрестностях Скопина были дубовые и сосновые

²⁴ Между прочим, это все несколько не выдуманная история – стрельцы и посадские люди о результатах «винных выемок» доложили воеводе пятнадцатого мая 1688 года, и весь их доклад был аккуратно записан. Каким-нибудь четвертым подьячим. Может быть, даже тем, который на первых трех и...

леса. После того как все дубовые и сосновые леса вырубали, после того как начали из-за вырубки мелеть реки, ненужный более корабельным делам Скопин отписали от Азова и приписали к Елецкому уезду Воронежской губернии^{25*}. В двадцать первом году Петр Алексеевич повелел все российские города разделить по количеству дворов на пять категорий. Скопин попал в четвертую – от двухсот до пятисот дворов. Если сравнивать с категориями яиц, то получаются почти перепелиные, а между тем в городе было четыреста купцов. В пересчете на общее количество жителей, включая женщин и детей, выходит, что каждый десятый или даже девятый. К тому времени Скопин практически потерял свое военное значение. Гарнизон в нем уже не стоял, офицеров и солдат не было, а жили отставные стрельцы, пушкари и воеводы. Да еще ржавели закатившиеся по темным углам ядра от пищалей и фальконетов.

Не успел Скопин прийти в себя от корабельных дел, как его вместе с прилегающими селами приписали к ведомству Конюшенного приказа и всех бывших служилых людей перевели в разряд конюхов или крестьян дворцовой конюшенной канцелярии. К тому времени, как Скопин приписали к Конюшенному приказу, коневодство, как на грех, в нем стало понемногу умирать. И вообще это был уже четвертый приказ, к которому приписывали Скопин, за последние семьдесят лет – после Тайного, Хлебного и Стрелецкого. Впрочем, к какому бы приказу Скопин ни приписывали, а оставался он все время городом хлебным. Пшеница на окрестных полях росла так хорошо, что «в хорошие годы сам десять иногда бывает и сеется рожь, пшеница, овес, греча, горох, конопля, лен и мак, а по пространству пашут весьма много, так что для збирания хлеба приходят туда наемщики из других губерний и уездов в числе не малом».

В 1779 году Скопин по указу Екатерины Второй стал городом. Утвердили план, состоящий из одинаковых квадратов, как в Петербурге. Деревянный Скопин горел так часто, что и сносить почти ничего не пришлось. Для новыхстроек всегда находились новые пустыри.

Надо сказать, что новое «городское платье» пришлось ему в самый раз. Торговля в руках предприимчивых скопинских купцов и мещан процветала. Торговали «разного рода хлебом и плодами, шелком и бумажной материей; сукнами и иным шерстяным товаром; серебряною, медною, оловянною и железною посудой, обовью, сшитым платьем, конской упряжью, кожами, салом, свечами, дехтем, деревянною посудой, водками, виноградными напитками, чаем, сахаром, кофием, медом, мясом, рыбой, пенькой и табаком». Было, значит, кому в Скопине разрядиться в шелка, сукна, иной шерстяной товар и пить кофий, виноградные напитки и чай с сахаром из серебряной посуды. Не говоря о разных водках. Торговых лавок, включая винные, имелось в городе около сотни – по одной на каждые шестьдесят жителей. Не только в нынешнем Скопине такого нет и в помине, но и в самой Москве... Ну да что теперь говорить о Москве, в которой снесли не только торговые лавки, но даже и на обычные лавочки нагнали такого страха, что у тех ножки дрожат от страха за свое будущее.

К концу восемнадцатого века в Скопинском уезде проживало без малого девяносто тысяч человек. Эта цифра, понятное дело, нам ни о чем не говорит. Чтобы она заговорила и даже закричала, сравним ее с цифрой двадцать пять с половиной тысяч. Это именно то количество человек, которое проживает в Скопинском районе сегодня. Об этих же жителях (уездных, а не районных) в географическом словаре Щекатова, вышедшем на рубеже семнадцатого и восем-

²⁵ Увы, дубовые леса с тех пор так и не выросли. И сосновые тоже. Зато в скопинском краеведческом музее есть прижизненная гипсовая маска Петра Великого, снятая Бартоломео Растрелли. Образца 1723 года. Страшная, как говорят, редкость. Уж и не знаю, как она попала в музей*. Может, Петр Алексеевич подарил ее скопинцам взамен лесов, чтобы сильно они не расстраивались, а может, и наоборот, в том же смысле, в котором Гоголь писал в известной своей поэме: «... капитан-исправник, хоть и сам и не ездил, а пошли только на место себя один картуз...» А тут не картуз, а целая прижизненная маска. Тут и буян испугается, а уж законопослушные обыватели и вовсе... Раньше эта маска находилась в скопинской городской управе. Теперь-то все больше фотографии в кабинетах у начальства принято вешать. Толку от этих фотографий, хоть бы и цветных...

* Узнал я потом эту историю. Скучная до ужаса. Оказалось, что это и не оригинал вовсе, а копия и подарена музею каким-то писателем в двадцатом веке. Подумал я, подумал и решил сочинить свою.

надцатого веков, написано: «...люди вообще нрава тихого, смиренны, послушны к начальникам, усердны и прилежны к земледелию, выключая однодворцев, которые в праздные от хлебопашества время упражняются в ловле зверей и птиц. Живут же не весьма чисто, и в зимнее время по малолесию, не имея других изб, пускают скот свой для корму в те же самые, где живут сами и они. Избы во всех их селениях черные и за неимением дров крестьяне и однодворцы топят их соломой. Дворы свои огораживают плетнями, кроют соломой, а гумны и огороды огораживают рвом и валом из навоза». Отчего так бывает, что люди работающие, нрава тихого и послушные к начальникам часто живут нечисто, без дров и огораживаются валом из навоза... Бог весть. С другой стороны, ведь и флот был нужен молодой империи. Как же мы без флота показали бы кузькину мать шведам и туркам... С третьей стороны ничего не скажешь, а только плюнешь в сердцах.

Два живописца и один цирюльник

Конец восемнадцатого и начало девятнадцатого века в Скопине ознаменовались строительством Троицкого собора, опустошительным пожаром, строительством первой городской больницы, уездного и духовного училищ, а также грандиозным, в масштабе не только уезда, но и губернии, скандалом – был арестован и отдан под суд городничий, надворный советник и отставной секунд-майор Сергей Николаевич Дубовицкий. То есть сначала-то его хотели наградить орденом Святого Владимира за усердную службу и взыскание «немалых недоимок», но... не наградили. Неизвестно по какой причине. То ли нашли другую достойную кандидатуру, то ли передумали, то ли просто какая-то не смазанная должным образом шестеренка в аппарате рязанского губернатора зацепилась зубом за другую, и все застопорилось. Другой бы погоревал и наградил бы себя чем-нибудь другим, тем более что должность городничего, как известно из комедии Гоголя, к этому располагает, но отставной секунд-майор, служивший при Екатерине Алексеевне в лейб-гвардии Семеновском полку, решил жаловаться на рязанского губернатора. В жалобах (а их было множество) красочно описывал притеснения, которые чинил ему рязанский губернатор. Сенат его жалобы рассмотрел, и оказалось, что притеснений... не было. Никаких. Мало того, «Сенат определил просить ему Дубовицкому у губернатора прощение». Городничий закусил удила и стал писать царю, коего своими прошениями так утомил, что сенатский генерал-прокурор объявил о том, что «за неоднократные прошения, коими он неоднократно Его Величество утруждал, посадить под стражу...», и дело Дубовицкого как можно скорее закончить.

Правду говоря, рязанский губернатор был тот еще поросенок с хреном. За семь лет до скандала со скопинским городничим его отставили от службы с формулировкой «за воровство и грабеж», но через четыре года... назначили по протекции рязанским губернатором. В те времена по хорошей протекции можно было получить хоть губернаторское место, хоть... Впрочем, как и сейчас. Самое удивительное, что жалоба Дубовицкого возымела действие. Павел Первый губернатора со службы прогнал. Александр Первый назначил нового – и тут Дубовицкому небо показалось с овчинку. Он, видимо, полагал, что со сменой губернатора все изменится и все те чиновники, которые так долго препятствовали награждению, немедля решат дело к его пользе и наградят вожделенным орденом, а то и двумя, но не тут-то было.

Вдруг выяснилось, что городничий виновен «в притеснении скопинских граждан, в пренебрежении своей должностью, в неповиновении начальству, в похищении казенного интереса при покупке для штатной команды провианта и для драгунских лошадей фуража; в фальшивом представлении вспомогательному банку не принадлежавшего ему имения; в краже из земского суда о долгах его рапорта... в прелюбодействе с крестьянскою женкою». Последнее было очень обидно. Добро бы еще увез губернаторскую дочку, но с крестьянскою женкою...

Рязанская палата суда и расправы²⁶, рассмотрев все вины городничего, представила на утверждение сената: «Лишить его Дубовицкого чинов и дворянства, наказать кнутом и сослать на поселение». Сенат доложил государю, тот на сенатском докладе начертал: «Быть по сему, кроме кнута», – и поехал бывший городничий в Иркутск, на поселение...

Через год, в результате настойчивых просьб сына Дубовицкого, сосланного городничего вернули «в настоящем его положении, в дом свой на жительство», где он тихо и незаметно и жил восемь лет до самой своей смерти^{27*}. Вечерами и особенно ночью, когда не спалось, бывший городничий ходил из угла в угол своего кабинета и все думал: в чем же он просчитался? В том, что жаловался на губернатора, или в том, что оболыщался насчет чиновников... Или все же в том, что с крестьянскою женкою... Или при покупке фуража для драгунских лошадей...

Вернемся в Скопин начала девятнадцатого века²⁸. В 1816 году через город проезжал император. Остановливался он в доме богатого и хлебосольного купца Плетникова, у которого была жена-красавица. Александр Павлович долго гулял с ней по саду и подарил, как это было у него заведено в таких случаях, бриллиантовый перстень²⁹. После того как царь уехал, супруги Плетниковы решились на смелый поступок – они вырядились по самой последней московской моде. На самом Плетникове вместо общепринятого у скопинских купцов длинного синего зипуна и полосатого кушака был короткий сюртук, а вместо бараньей шапки

²⁶ Именно так она и называлась. Честнее названия и не придумаешь.

²⁷ О сыне Дубовицкого долго рассказывать нечего – за три года до войны с французами он вышел в отставку «за ранами полковником, с мундиром и пенсионом полного жалованья», но, как только Наполеон со своим войском перешел русскую границу, вступил в Рязанское дворянское ополчение и командовал егерским полком, с которым дошел до Парижа, вернулся, был чиновником для особых поручений при рязанском генерал-губернаторе, окончательно вышел в отставку и от скуки перевел французский роман «Маска, или Приключения графа Д...». Другое дело родной племянник Сергея Николаевича – Александр Петрович, линия жизни которого была куда как извилистее. В 1809 году он был отправлен в отставку в чине подполковника, вернулся в родовое имение в Скопинском уезде и, вместо того чтобы проживать немалое состояние, травить зайцев борзыми, заставлять дворовых девок перед сном чесать себе пятки и таскать за бороду бурмистра, создал религиозную секту «Истинные внутренние поклонники Христа». Эти самые внутренние поклонники терпеть не могли, когда их путали с внешними, и сами себя называли себя духовными скопцами*. Завлек Александр Петрович в свою секту какого-то штабс-капитана, потом солдата, потом крестьян из разных сел Скопинского уезда, потом... на него, понятное дело, донесли. Сначала рязанскому архиепископу, а потом и самому императору. Александр Петрович помчался в Петербург оправдываться, но там его уже ждали и по приказу графа Аракчеева арестовали. После долгих разбирательств отправили в «Кирило-Белозерский монастырь на покаяние и на испытание на срок, который духовное начальство признает за благо». Высокое духовное начальство признало за благо много лет переводить его из монастыря в монастырь под надзор духовного начальства помельче. Видимо, с покаянием у Александра Петровича все обстояло не так хорошо, как хотелось начальству. В конце концов уже состарившийся, но не оставивший своих убеждений Дубовицкий был отдан на поруки сыну и тихо, незаметно жил у него в Петербурге почти до самой смерти. Секта, которую основал Александр Петрович, после его ареста не только не распалась, но стала еще многочисленнее. Духовные скопцы, несмотря на преследования властей, сохранились в уезде и в Скопине и через двадцать лет после смерти основателя секты. Мельников-Печерский в романе «На горах» вывел отца и сына Дубовицких под фамилией Луповицкие. Ну а кроме романа остались нам портреты Петра Николаевича и Александра Петровича Дубовицких кисти Боровиковского, который вместе с ними состоял в секте «Братья во Христе» еще в Петербурге, задолго до всех событий в Скопинском уезде. Александр Петрович на портрете молод, хорош собой, волосы завиты, белый жилет, кружевное жабо, шейный платок завязан на затейливый бантик, и только глаза выдают... Впрочем, это только кажется. Ничего и никого они не выдают и не выдали. Ни тогда, ни после.

* Не будем здесь обсуждать источники и составные части духовного скопчества. Те, кто обсуждает, доходят до того, что скопчество связывают с названием города Скопин... а мы не будем, и все.

²⁸ Хоть и неловко говорить, но местные дворяне в войну двенадцатого года пожертвовали на ополчение всего шестьсот рублей и... предпочли, в массе своей, уклониться от участия в боевых действиях. Кто-то уехал в другие губернии, а кто-то и просто исчез на время войны. Пусть эти сведения будут в примечаниях. Авось их не все прочтут.

²⁹ Вообще жители небольших уездных городков любили, когда мимо них проезжал Александр Благословенный. Человек он был тихий, деликатный – откушает чаю или кофею со сливками в доме самого именитого купца, поговорит с его женой, подарит ей бриллиантовый перстень, отстоит обедню и дальше покатит. Еще и ручкой из коляски помашет. Чтобы сказать народу: мол, денег нет, а вы тут держитесь – этого у него и в заводе не было. Хоть рубль на водку, но давал всегда. Бывало, что и золотой. Жители тотчас же после того, как разогнутся после прощальных поклонов государю и пыль от его коляски осядет, убранный к его приезду мусор выгатают, снова по улицам раскидают, подпертые заборы повалят, в осушенные перед приходом лужи воды нальют, грязь набросают, свиней туда запустят, чтобы валялись, и живут себе как жили. Это вам не приход Петра Алексеевича, после которого можно было и бороды лишиться, и кулаком в рыло, и батогами, и в Сибирь, и на войну со шведами простым матросом или даже каким-нибудь грот-брам-стень-стакселем пойти.

– поярковая шляпа. На его жене вместо китайчатой душегрейки и шерстяной юбки «ничего, кроме шелка и бархата, надето не было». Ох, и досталось же Плетниковым от скопинских кумушек за московские наряды... Особенно купеческой жене. Как только ее, бедную богатую, не называли...³⁰

Жизнь между тем не стояла на месте. Предприимчивые скопинские купцы стали вкладывать деньги в кожевенные, суконные и мыловаренные заводы, в мастерские по ремонту самых разных механических агрегатов вроде маслобоек, крупорушек, сеялок, веялок и всего того, что с трубами, на колесах и даже с кривошипно-шатунными механизмами. Завелся в городе заводик по отливке почтовых колокольчиков. Больше других в Скопине проживало горшечников – целый квартал. Горшки возами вывозили на продажу в разные города и особенно в земли Войска Донского. Казачки расходовали глиняные горшки в невероятных количествах. По статистике, каждый третий, а то и каждый второй горшок разбивался ими о голову казака, а поскольку головы у казаков по шкале твердости Роквелла... или Бринелля... Не помню точно цифры, но они очень большие.

К середине девятнадцатого века мыловаренные заводы трех скопинских купцов Афонасова, Поялкова и Алферова ежегодно производили шесть с половиной тысяч пудов мыла на сумму в двадцать тысяч рублей. Этим мылом можно было намылить шеи крестьянам не только Скопинского уезда, но и всей Рязанской губернии. Если, конечно, крестьяне захотели бы ходить с намыленными шеями. Продукты стоили копейки не в переносном, а в буквальном смысле. Килограмм ржаной муки – полторы копейки, килограмм пшеничной – десять, килограмм гречневой крупы – копейку, а килограмм овса и вовсе меньше копейки. Скопинцы выращивали сами, покупали и продавали огромное количество скота, и потому килограмм говядины стоил меньше гривенника. И только дрова благодаря Петру Великому в этом степном, безлесном краю стоили дороже говядины.

Процветание торговли и промышленности привело к зарождению в Скопине искусств. По официальным данным, в середине века в Скопине зародилось два живописца и один цирюльник. Появились еще и часовщики в количестве двух штук, но не очень понятно, куда их отнести – к искусству или к промышленности... И это при том, что количество купцов к тому времени уже перевалило за тысячу.

Жить стало если и не веселей, то определенно лучше. В 1859 году в Скопине проживало около одиннадцати тысяч жителей. На каждого жителя, включая стариков и малых детишек, согласно статистическим данным, приходилось по одной десятой лошади, по две десятых коровы и почти по четыре десятых свиньи. Это мы еще не берем в расчет овец и коз. Навоза от всех этих домашних животных было огромное количество, в огородах все росло как на дрожжах, горох колосился, капуста капустилась, но... скука смертная. Новостей не было решительно никаких. Бог знает по какому разу вспоминали, как городничий бодался с дубом рязанским губернатором. Ну не обсуждать же, в самом деле, квартального надзирателя Успенского, который неправильно арестовал купца Гублина, или бывшего исправника Ушакова, которого выгнали со службы за то, что он злоупотребил служебным положением во время строительства мостов в уезде и ложно доносил комиссии о том, что все мосты находятся в лучшем виде. Было бы странно, если бы он донес обратное, поскольку взявший строительный подряд купец... Одним словом, тоска. Даже большой пожар, в результате которого сгорело полгорода, даже упорные слухи о том, что это дело рук скопинской инвалидной команды, даже отсылка ее в соседний Спасск от греха подальше не помогли.

³⁰ Историю о купеческих нарядах я вычитал в одной краеведческой книжке о Скопине. Как она туда попала, не знаю. Может, сохранились письма скопинских обывателей, в которых был описан весь этот скандал с переодеванием в московскую одежду, или в альбоме какой-нибудь чувствительной купеческой девицы... еще и с рисунками... Конечно, было бы куда полезнее занести в этот альбом статистические данные о развитии в городе торговли и промышленности, вместо того чтобы описывать всякую ерунду, а тем более ее иллюстрировать, но...

Человек, совративший город

В 1863 году в городе открывается банк, председателем правления которого становится купец Иван Гаврилович Рыков, и вот тут-то в Скопине делается так весело... Впрочем, все по порядку. Порядок требует обстоятельного рассказа о Рыкове, который на самом деле по фамилии был Оводов, родился в мещанской семье, но рано остался сиротой и воспитывался у богатого скопинского купца Рыкова, который приходился ему двоюродным дедушкой. Когда Ивану исполнилось семнадцать, его двоюродный дедушка, к тому времени усыновивший Рыкова, умер и оставил ему большое, а по меркам Скопина и вовсе огромное, состояние – двести тысяч рублей. И это не считая недвижимости и земли в Тамбовской губернии. Больших барышей молодой Рыков с этого капитала не нажил. Он вообще по части наживать был не очень. Он был по части проживать, прожигать и проматывать. К тому времени, как Рыков стал директором банка, все наследство он спустил, но успел побывать и скопинским бургомистром, и городским головой. На деньги покойного дедушки он так отъел себе харизму, что сумел заговорить местных купцов до полубессознательного состояния, и они внесли уставной капитал и назначили Ивана Гавриловича директором банка. Надо сказать, что уже в должности городского головы Рыков успел побывать под судом и следствием за вырубку общественного леса. Уже его успел снять с должности рязанский губернатор, но... Рыков сумел завести связи даже в одном из департаментов сената, и постановление рязанского губернатора было отменено. Земляки Рыкова, после того как он оставил в дураках губернатора, зауважали.

На должности директора банка поначалу он не проявил себя ничем. Да и сложно было проявить. За деятельностью банка строго присматривал новый городской голова купец Леонов. Тогда Рыков, дождавшись следующих выборов городского головы, сам принял в них участие и победил. И тут же отказался от должности, передав ее своему хорошему знакомому купцу Афонасову. Вот теперь, когда правая рука не только не ведала, что делает левая, но и не пыталась этого сделать, можно было начинать действовать. Рыков развернул грандиозную рекламную кампанию по привлечению вкладчиков. Первый русский Мавроди стал обещать семь и даже семь с половиной процентов по вкладам вместо обычных трех, которые предлагали остальные. Реклама заполнила газеты обеих столиц. Газеты Центральной России, Урала и Сибири наперебой писали о финансовых чудесах, которые происходят со вкладами в банке маленького уездного городка под названием Скопин. И только в газетах Рязанской губернии не было об этом ни слова. Слишком близко был скопинский банк к потенциальным рязанским вкладчикам. Не дай бог приедут да сунут нос не туда, куда нужно...

Первыми на щедрые рыковские посулы клюнули служители культа, вытащили свои кубышки и полотняные мешочки, спрятанные за киотами, и понесли их в банк. За священниками, монастырями и старцами, алчущими высоких процентов по вкладам, потянулись миряне. Миряне потянулись со всей России и более всего из Сибири. Дошло до того, что банк в Томске даже выдавал ссуды под залог обязательств скопинского банка. Первые несколько лет все шло так хорошо, как и представить себе было невозможно даже в самых радужных мечтах. Через восемь лет после открытия банк, при уставном капитале в десять тысяч, привлек средств почти на семь миллионов рублей. Москва еще не превратилась в Старый Скопин, а в Скопине уже мостили камнем улицы, устанавливали газовые фонари, выделяли средства на приданое бедным скопинским девицам, строили церкви, заменяли соломенные крыши деревянными, открывали приюты и бесплатную публичную библиотеку на средства, выделенные из прибыли банка, который к тому времени обещал уже сто процентов прибыли на каждый вложенный рубль. Сам великий комбинатор построил себе в Скопине дворец, у дверей которого день и ночь дежурил швейцар в ливрее, заказал расшитый золотом мундир, белые генеральские штаны и нацепил на грудь ордена, которые каким-то образом уже успел получить.

Правду говоря, на общегородские нужды шла лишь небольшая часть банковского капитала. Основная же часть попросту разворовывалась. Для этого была придумана не очень сложная схема. В скобках замечу, что Рыков и не мог придумать сложной – он не имел никакого образования. Подельники его, то бишь члены правления банка, сложной схемы и не поняли бы. Некто, хотя бы и городской нищий, но непременно хороший знакомый или доверенное лицо Ивана Гавриловича, брал в банке кредит. И не отдавал. То есть совсем. То есть банку не отдавал, а Рыкову, конечно, отдавал. Само собой, не без выгоды для себя. Рыков нищих не обижал. Особенно тех, с которыми имел общие дела. Вообще ссуды (часто беспроцентные) выдавались не только друзьям и знакомым Рыкова, но и просто нужным людям вроде исправника, квартального надзирателя, гласных городской думы, губернских чиновников... Список длинный – в краткий очерк об истории Скопина он просто не поместится. Иногда было достаточно записки или даже устного распоряжения Ивана Гавриловича, чтобы «выдать подателю сего» деньги, или выписывали векселя на подставных лиц. Могли фиктивно покупать ценные бумаги и деньги на покупку этих бумаг взять из банка, могли фиктивно их продать и полученные деньги... Могли фиктивно учесть векселя, могли... все что хотели, то и могли. Сам Рыков не то что запускал руку в кассу банка, но влез в нее с ногами. Судите сами – дом содержать надо, приемы для нужных гостей устраивать надо, балерин из самого Санкт-Петербурга на эти приемы привозить надо, икру и шампанское подавать к столу надо, взятки рязанским, московским и петербургским чиновникам даже и думать не могли, чтобы не дать, портреты свои в полный рост в белых генеральских штанах заказать живописцам надо... Вот вам и еще один список, который не помещается в историю Скопина.

Мало-помалу Рыков из директора банка стал человеком, который совратил целый город. Пусть небольшой, пусть уездный, пусть дремучий, но город. Все были у него на крючке, все брали кредиты в банке, а были и такие, у которых этих кредитов не один и не два. Были и те, кому скопинский губернатор (так его все называли) просто платил жалованье за различного рода услуги. К примеру, местному почтмейстеру платил за то, чтобы он вскрывал письма и проверял, не затевает ли кто против Рыкова интриг и не пишет ли ненужное в Рязань или даже в Петербург. Полицейским чинам платил за то, чтобы к тем, кто пишет ненужное... Ну, всякий знает, за что у нас платят полицейским чинам. Судейским он платил за это же самое. Мировой судья Александров навсегда остался должен банку сто тысяч рублей. Кстати, Рыков и сам состоял почетным мировым судьей и потомственным почетным гражданином. Платил губернскому секретарю. Дьякону Попову платил за то, что тот ходил по городу, собирал о Рыкове сплетни и пересказывал их своему работодателю. Для этой же цели нанял судебного пристава Изумрудова. И недорого – всего за двадцать пять рублей в месяц. Платил даже станционному телеграфисту, чтобы ни одна ненужная Рыкову телеграмма, ни одна несогласная точка или тире не улетели из Скопина.

Веревочка, однако, вилась, вилась... Поначалу пришлось, чтобы скрыть истинное положение дел в банке, писать липовые годовые отчеты. Чем хуже дела шли у банка, тем красивее выглядели его балансы. Балансы балансировали, балансировали, да не выбл... Тьфу. Бухгалтеры не хотели подписывать балансы и норовили в конце года уйти в отпуск, а те, которые все же не могли отказаться и подписывали, после подписания надолго запивали. Тут уж Рыков пустился во все тяжкие. Выпускал ценные бумаги и пытался их продавать, покупал ценные бумаги, к примеру железных дорог, и продавал их, но с большими убытками, поскольку мало что смыслил во всем, что не касалось махинаций. А еще надо было платить проценты по вкладам... И было этих вкладчиков тысячи, и жили они по всей России...

Не все, однако, скопинцы были замешаны в рыковских махинациях. Вот эти-то незамешанные стали бить тревогу, стали писать начальству, но... скопинский Шпекин был на страже, потому что за пятьдесят рублей в месяц... И телеграмму тоже не отобьешь, потому что телеграфист... Хотя бы и отбили, хотя бы и письмо дошло, к примеру, в Рязань. К тому времени

рязанский губернатор был почетным гражданином Скопина. Ну хорошо, предположим, что не в Рязань, а в Петербург. Так ведь и министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн тоже был почетным гражданином Скопина. Конечно, подношений он от Рыкова не брал, упаси Господь, но благосклонно принял сообщение о том, что в Санкт-Петербургском университете учреждена стипендия имени его самого сроком на двадцать лет. И деньги для этой стипендии выделил не кто иной, как...

Правдоискатели не унимались. К тому времени из карманов вкладчиков было вытаскано более двенадцати миллионов рублей. От этой суммы, если пересчитать ее на наши деньги, можно с ума сойти. От этой суммы к началу суда уцелело всего восемьсот тысяч. Впрочем, до суда еще было несколько лет попыток обратить внимание начальства на финансовую пирамиду, которую построил Рыков. В конце концов обратились к газетчикам. В 1882 году, спустя девятнадцать лет после открытия скопинского банка, петербургская газета «Русский курьер» напечатала серию статей, которые вызвали страшную панику среди вкладчиков банка. Вкладчиков были тысячи – из Томска, Иркутска, Смоленска, Нижнего, Москвы и Петербурга. И только два десятка вкладчиков были из Рязани. Скопин наводнили кредиторы. Все ринулись забирать свои деньги, но забирать было уже нечего. Кто-то остроумно заметил, что если даже для покрытия долгов банка продать весь Скопин вместе с фонарями, домами и даже собаками, то все равно вернуть можно будет лишь двадцать восемь копеек с рубля.

Следствие и суд длились два года. Суд проходил в Москве. Вместе с Рыковым на скамью подсудимых уселись еще два с лишним десятка его подельников. Газетчиков было едва ли не больше, чем подсудимых. Рыкова признали виновным по всем пятидесяти пяти пунктам обвинения. Удивительно то, что у подсудимых не нашлось ни денег, ни золота, ни ценных бумаг. Почти все украденное непосильным трудом было прожито. Сам Рыков был гол как сокол. Он лично взял себе миллион и еще пять, чтобы оплатить этими деньгами молчание тех, кто мог встать у него на пути. Все деньги ушли, как писал Антон Павлович Чехов, писавший отчеты о судебных заседаниях для «Петербургской газеты», на то, чтобы есть раков борделез, пить настоящее бургонское и ездить в каретах. Все кончилось для Рыкова Сибирью³¹. Туда он и отправился на поселение – поближе к своим сибирским вкладчикам. Бывшим, конечно, вкладчикам. Ходили слухи, правда непроверенные, что там, в Сибири, его эти вкладчики на тот свет и отправили.

Не могу удержаться, чтобы не привести слова Салтыкова-Щедрина – между прочим, в те поры управляющего рязанской Казенной палатой, хорошо знакомого с делом Рыкова. «У нас и сплошь так бывает: лежит куча навоза, и вдруг в ней человек зародится и начнет вертеть. Вертит-вертит – смотришь, начал-то он с покупки для города новой пожарной трубы, а кончил банком! Вот ты его и понимай!» Понимаем. Как не понять. У нас в навозных кучах и теперь, слава богу, недостатка нет. И в каждой, если присмотреться, кто-то зарождается и вертит. Ох и вертит...

В скопинском краеведческом музее могут о Рыкове рассказывать долго. Не без тайной, как мне показалось, гордости. Экскурсовод после экскурсии по музею повез меня смотреть здание скопинского банка, который теперь давно уже не банк, а просто старый облупившийся дом, принадлежащий скопинскому территориальному отделу социальной защиты. У входа в дом висит большая мраморная памятная доска, на которой выбито, что здесь в девяностых годах позапрошлого века работал предводитель уездного дворянства Сергей Николаевич Худеков. Рядом с доской притулились две небольшие таблички – одна местного отделения коммунистов, а вторая такая же, но единокороссов. Экскурсовод рассказал мне, что еще в детстве при-

³¹ Нашел я в сети фотографию Ивана Гавриловича. Увы, отвратительного качества. Видимо, уже последних, сибирских времен. Шапка-«пирожок» на голове, папироска в зубах, ухо правое торчит, но глаза, но усы, но глаза... выдают в нем такого... Как хотите, но достаточно одного взгляда на это лицо, чтобы на всякий случай перепрятать деньги поглубже, в самый потайной карман и немедленно его зашить.

ходил сюда к маме, которая работала в этом здании, и видел огромные сейфовые комнаты. Впрочем, к тому времени в них были только пыль и паутина по углам.

Механическая толчея купца Брежнева

Вернемся наконец в Скопин второй половины девятнадцатого века. Вот что пишет Салтыков-Щедрин о Скопине в своих «Письмах о провинции»: «Те же бревенчатые домики, покрытые соломой, тот же навоз, те же покачнувшиеся столбы, и вдруг ряд каких-то странных построек, не то будок, не то шалашей. Это центр города, это средоточие его торговли. Тут вы можете во всякое время найти веревку, несколько аршин ситцу, заржавевшую от времени колбасу, связку окаменелых баранок, пару лаптей и проч. ...Едва вы въехали в город, как уже видите конец его...» Во многом, как утверждают местные краеведы, Скопин явился прообразом города Глухова. С одной стороны, оно, конечно, лестно, а с другой...

И все же постепенно Скопин все более и более становился городом. Скопинцы, хоть и держали еще в домах скотину, но уже в гораздо меньших количествах. Помните две десятых коровы и четыре десятых свиньи на каждого жителя города? Так вот, к 1868 году их стало гораздо меньше – всего по три сотых коровы и две сотых свиньи соответственно. На весь город приходилось четыреста коров и двести пятьдесят свиней. Это, считай, почти что ничего – по одному коровьему уху и свиному пятаку на каждого. На самом деле, в этой шутке лишь доля шутки. Печальной, кстати сказать. Оборотистые скопинские купцы арендовали в соседней Тамбовской губернии обширные луга, на которых разводили и растили принадлежащий им скот. Как только этот скот достигал молочной и мясной спелости – так его немедля гнали в Скопин, где он отдыхал, отъедался после дороги и шел уже дальше, в Москву. Кто своими ногами, а кто уже в виде разделанных туш. В самом городе мясо стоило дорого. Там все было по большим, как мы сказали бы теперь, московским ценам – аукнулись скопинцам шальные рыковские деньги. Были-то они, конечно, далеко не у всех, но аукнулись всем.

Зато количество живописцев возросло с двух до семи. Одних портных в городе стало почти семь десятков и даже появились модистки. Скопинские ремесленники и всегда-то были мастера на все руки, а тут еще и освоили огранку алмазов для резки стекла. Купцы, которых в городе было уже семьсот, почти все записывались во вторую и в третью гильдии и налоги платили соответственно, а сами проводили торговые операции на миллионы, как первогильдейские. Честно говоря, про остальные ремесла и местную промышленность рассказывать не очень интересно – ну кожевенные заводи, ну салотопенные, ну мыловаренные, ну маслобойни, ну крупорушки, ну подковы с хватами, ну кружева на коклюшках... У купца Брежнева на его кожевном заводе была механическая толчея. Зачем, спрашивается, я вам буду рассказывать про механическую толчею, когда вы и ручной, поди, ни разу в жизни не видели. Да и я, признаться, тоже. Фамилия Брежнев определенно мне и вам тоже знакома, но механическая толчея...³² Кстати, у купца Барабанова тоже была... Да вы не спите, не спите! Читайте дальше.

В последней четверти девятнадцатого века в окрестностях Скопина началась интенсивная разработка месторождений бурого угля. Уголь нашли здесь гораздо раньше, но теперь, когда уезд пересекли Сызрано-Вяземская и Рязано-Уральская железные дороги, вывозить его стало гораздо удобнее. Быстро подтянулись в эти места бельгийские и французские промышленники, и к концу века в уезде уже работало около двадцати шахт, принадлежавших франко-бельгийскому акционерному обществу Макса Ганкара. Не хотелось вспоминать, но из песни слов не выкинешь, с угольными шахтами была связана и очередная афера Рыкова. Он орга-

³² В сети, конечно, все можно найти. Нашел я и про механическую толчею. Оказывается, ею толкли предварительно высушенную дубовую кору, которой потом перекладывали слои кожи при дублении в чанах. Я же предупреждал – ничего интересного.

низовал «Общество каменноугольной промышленности московского бассейна», даже закупил какое-то оборудование, развернул широкую рекламную кампанию, его агенты на бирже продавали и покупали сами у себя акции этого треста, который вот-вот лопнет, добился от министра финансов разрешения на прием акций своего общества по цене семьдесят пять рублей за сто... Короче говоря, стоило это вкладчикам банка потерянный безвозвратно миллион рублей.

На шахтах, принадлежащих Ганкару, такого не было. Там кипела работа, и туда потянулись на заработки окрестные крестьяне. Спускались они в шахты еще крестьянами, а поднимались наверх уже пролетариями. Платили им за труд, мягко говоря, мало (за двенадцатичасовой рабочий день забойщик получал от восьмидесяти копеек до рубля), и потому первые забастовки шахтеров не заставили себя ждать.

Начиная с этого места можно было бы уже понемногу переходить к событиям, которые привели к тому, в чем мы на долгие десятилетия оказались, но мы все же немного задержимся и обернемся назад, чтобы не было впечатления, что вторая половина позапрошлого века прошла в Скопине исключительно под вывеской городского банка и его нечистого на руку председателя.

В то самое время, когда возводилась и с таким грохотом рухнула рыковская пирамида, скопинским мировым судьей был Петр Михайлович Боклевский – замечательный художник и книжный иллюстратор, прославившийся иллюстрациями к гоголевским «Мертвым душам». Это его глазами смотрели мы на Манилова, Ноздрева и Чичикова (прототипы этих портретов жили, между прочим, в Скопине и уезде) в школьном учебнике литературы. Это его портрет Манилова, не прочитав, понятное дело, дома нужную главу из поэмы, я пересказывал своими словами учительнице. И ведь не я один... Петр Михайлович был похоронен по его желанию в Скопине, в роще на территории Свято-Троицкого монастыря. На его могиле был установлен памятник в виде скорбящего ангела. В двадцатые годы его разрушили революционно настроенные сукины дети. Восстановить так и не собрались.

Дом, крытый глазурованной черепицей

И последнее о позапрошлом веке. В конце его произошло событие, малозаметное с точки зрения мировой революции, но для скопинцев исключительно важное. Вернее, для тех, кто занимался гончарным делом. Скопинская керамика стала художественной. Местные мастера освоили производство глазурованных изделий. Подсмотрел скопинский мастер Оводов в Липецке состав глазури и привез домой. Вредный был состав: свинцовый порошок, окислы меди, марганца, железа. Как начнут обжигать такую посуду, так и травятся. О вентиляции тогда мало кто думал. Обжигали посуду чуть ли не в той же печи, в которой щи варили. Болели глазами, легкими, кашляли, но глазурь не бросили. Не могли уже от нее оторваться. И стала скопинская посуда на российских ярмарках и выставках на равных с липецкой и украинской. Но это только поначалу на равных, а потом... потом и посудой быть перестала. Стала искусством. Ее покупали коллекционеры, она попадала в музеи Москвы и Петербурга. Даже на выставке в Париже была в девятисотом году.

У скопинского мастера Михаила Андреевича Жолобова дом был крыт глазурованной черепицей. И все черепички разные – на одной рыбка, на другой белка, на третьей воробей, на четвертой заяц, на пятой дракон, на шестой кентавр, которого в народе называли Полканом, на седьмой... Говорят, он умел выдумывать зверей из головы. Большая, должно быть, была у мастера голова.

Тут бы надо уж точно перейти к двадцатому веку, но мы еще буквально на минутку задержимся, чтобы рассказать о мастере Оводове, который глиняное тесто пропустил сквозь сито и из полученной таким образом тончайшей глиняной вермишели сделал гриву льва. Покрыв льва глазурью... Да что там лев. Оводов пригласил на свадьбу дочери друзей-гончаров, напоил

их чаем из самовара и разбил самовар на счастье. Только тогда гости и увидели, что самовар был глиняный.

И еще. Буквально за пять лет до двадцатого века в Скопине открылся музей русского оружия. Открылся он на средства купца первой гильдии Черкасова. Там была собрана большая коллекция оружия, начиная с каменных топоров и кремниевых наконечников стрел. Медали, знамена, мушкеты, кольчуги, алебарды... В нынешнем краеведческом музее от того музея осталась всего одна витрина, да и та выглядит бедно – два ружья и две самые простые сабли, одна из которых сломана. Главным экспонатом музея оружия были серебряные Георгиевские трубы сто сорокового Зарайского пехотного полка, несколько лет стоявшего в Скопине³³. Трубы эти полк получил за участие в русско-японской войне. Когда в феврале семнадцатого года скопинский музей оружия разграбили, труб этих и след простыл.

Театр «Труд»

Начало двадцатого века Скопин встретил настоящим городом. Промышленных предприятий, среди которых имелась даже табачная фабрика, в нем работало несколько десятков. Больше в губернии было только в Рязани. Точно так же дело обстояло с церквями. По их количеству Скопин был вторым в губернии. Потому и называли его рязанским Суздалем³⁴. Не следует, однако, думать, что скопинцы только работали, молились и снова работали. Они еще и читали. Работали библиотека и две читальни. В городе действовало одиннадцать учебных заведений, самым крупным из которых было реальное училище, открытое еще в 1876 году благодаря хлопотам Петра Михайловича Боклевского (правда, и здесь не обошлось без участия Рыкова). Еще больница, еще три аптеки, еще духовой оркестр Зарайского пехотного полка, играющий в Летнем саду по выходным дням «Амурские волны» и «Осенний сон», еще танцевальные вечера, еще благотворительные спектакли в пользу недостаточных студентов Санкт-Петербургского политехнического института, окончивших скопинское реальное училище, еще электротеатр «Луч», в котором показывали фильмы и кинохронику³⁵, еще обычный театр³⁶,

³³ Скопинский пехотный полк был сформирован в Скопине, но квартировал на Украине. Красивых подвигов за ним не числилось. В историю он вошел только тем, что первым попал под немецкую газовую атаку.

³⁴ Увы, и следа не осталось от того Суздаля. Своими руками его уничтожили.

³⁵ В электротеатре «Луч» в августе пятнадцатого года показывали «Лучший боевик русской серии „Чайка“». Сильная бытовая драма в четырех частях с участием лучших артистов И. И. Мозжухина и Л. Д. Рындиной. Первая часть – «Две чайки». Вторая часть – «Сердце счастья просит». Третья часть – «Игрушка брошена». Четвертая часть – «Нет жизни без счастья». «Беззаботно и привольно, как чайке прелестной, живет красавице Вере в родном гнездышке. Ее любит молодой рыбак на радость и счастье старика отца. Солнце ласкает ее. Любовь и природа дают ей счастье. Однажды встречает Вера молодого охотника Бельского... Он скучает в имении своей тетки Рюлиной, куда он приехал поправить свое здоровье и материальные дела... От безделья он развлекается охотой... Встретив хорошенькую рыbachку, столичный сердцеед постарался не терять времени... и эта встреча оказалась роковой для Веры... Судьбе было угодно еще раз столкнуть их. Однажды, проводив своих рыбаков на ночную ловлю, она нашла Бельского в лесу, с вывихнутой ногой. Она помогла ему встать, довела до своей избы... Ее юное сердце забилось сильнее, и она полюбила его всем своим существом... Еще несколько встреч и ласк скучающего повесы, и заботы, жених, честь и дом... Все, все отдала она ему, слепая в своем чувстве, она не замечает, что он, шутя и играя, развлекается ею... Но вот приехала Лидя – кузина Бельского... И Вера забыта... Новый флирт отвлек его навсегда от бедной рыbachки. И она, совладав со своим чувством, пробирается в барский сад, где украдкой следит за Бельским и Лидой... Убедившись в его коварстве и боясь быть замеченной счастливыми влюбленными, она прячется в старую беседку... К этой же беседке направились и Бельский с Лидой, для стрельбы в цель... И первый выстрел Бельского покончил навсегда жизнь бедной чайки». О, эти провинциальные дореволюционные кинотеатры, которые так любили показывать в своих фильмах советские режиссеры! Непременный тапер, играющий на расстроенном вконец, дребезжащем пианино, заплеванная подсолнечной шелухой пол, чувствительные дамы, прижимающие батистовые платочки к глазам в самые трагические моменты фильма, невоспитанные мальчишки из простонародья, свистящие и на чем свет стоит ругающие киномеханика, оглушительный в темноте шорох чых-то юбок в заднем ряду и шепот «Подпоручик, прекратите немедленно! Вы что себе...».

³⁶ Театральная жизнь в городе бурлила. Скопинский литературно-драматический кружок в зале скопинского благородного собрания ставил то драматический этюд «Вечность в мгновении», то водевиль «Простушка и воспитанная», то пьесу «Склеп» из репертуара московского театра Корфа. И непременно после спектаклей танцы, играет оркестр Зарайского пехотного полка, бой конфетти и фейерверк. В июле двенадцатого года на благотворительном детском празднике представили сцены

еще крестьяне-отходники, возвращающиеся из Москвы с большевистскими листовками, еще бастующие в девятьсот пятом году шахтеры, еще рота солдат, стреляющая в них, еще отчаянная телеграмма уездного и губернского предводителей дворянства министру внутренних дел с просьбой о присылке войск.

В девятьсот пятом году хватило роты солдат, а через двенадцать лет, в феврале семнадцатого... солдаты запасного полка, расквартированного в Скопине, сами выступили против власти – упразднили местную администрацию и разоружили всех жандармов. Уже в марте семнадцатого в городе появились первые советы рабочих депутатов и избрали своим председателем забойщика одной из местных шахт. В запасном пехотном полку появились советы солдатских депутатов, в сентябре требования этих советов поддержали солдаты рязанского гарнизона, в декабре состоялся уездный съезд советов и выбран Совет Советов, а через два года, в девятнадцатом, крестьяне уезда послали ходоков в Москву упрашивать власть не мобилизовать последних лошадей и особенно коров в Красную армию. В уезде свирепствовали тиф, испанка, и единственной пищей, которая помогала выходить больных, было молоко. В том же году через Скопин на агитпоезде «Октябрьская революция» проезжал Калинин и произнес зажигательную речь на городском вокзале, но молока от него было, как от...

Посреди этого тифа, мобилизованных в Красную армию коров и лошадей, продрозверстки и голода в Скопине в восемнадцатом году открывается театр «Труд». Открылся он в здании, где сейчас кафе «Метрополь». Одно время на нем даже была мемориальная доска, но куда-то потерялась³⁷. Работали в этом театре три молодых человека, которых сейчас уже, наверное, никто и не вспомнит. Один из них – будущий композитор Анатолий Новиков. Тот самый, который потом написал песни «Смуглянка», «Эх, дороги», «Марш коммунистических бригад» и «Гимн демократической молодежи», из которого в моей памяти остались только мелодия и строчка из стихотворения Бродского «Что попишешь? Молодежь. Не задушишь, не убьешь». Еще я помню «Марш коммунистических бригад», который в моем детстве всегда в первом отделении любого праздничного концерта исполнял какой-нибудь краснознаменный или народный хор, и это было как ложка рыбьего жира перед обедом в детском саду.

Вторым в этой компании был будущий кинорежиссер Иван Лукинский. Тот самый, который потом снял фильмы про Чука и Гека, про Ивана Бровкина и про детектива Анискина. В моем детстве мы бросали все самые срочные дела во дворе и прибегали домой, чтобы посмотреть эти фильмы. Сколько фильмов осталось в нашем детстве. Даже удивительно, как они все в нем помещались.

Третьим был будущий драматург Александр Николаевич Афиногенов, тот самый, который... Нет, теперь его пьес не ставят, и помнят его только театроведы. Он и погиб рано – в тридцать семь лет, в сорок первом, от случайного осколка во время бомбежки. Мог бы погибнуть в тридцать шестом, когда его исключили из партии и запретили к показу все его пьесы, но

из «Русалки» и «Бориса Годунова», басни в лицах «Стрекоза и муравей», «Две собаки», «Любопытный», «Кот и повар». После басен представляли живые картины – «Цыганский табор» и «Апофеоз». Живые картины сопровождал оркестр балалаечников. Вы только представьте себе на мгновение – скопинский апофеоз в сопровождении оркестра балалаечников... К примеру, апофеоз Наполеона, в котором роль императора исполняет скопинский исправник или квартальный надзиратель с толстыми, как сосиски, закрученными вверх усами. Или апофеоз квартального надзирателя при получении им должности частного пристава... Все исчезло, все. Остались только хрупкие пожелтевшие театральные афиши в краеведческом музее, с которых я списывал названия пьес, цены на билеты и все эти подробности про то, что будет запущен воздушный шар, устроен фейерверк и что учащимся будут продавать билеты только в том случае, если они придут в форме.

³⁷ Потерялась она, когда новые хозяева здания облицевали его пластиковым сайдингом. Вообще надо сказать, что исторический центр города выглядит, мягко говоря, не очень. Где старинные кирпичные здания обшили сайдингом, где просто давно не штукатурили и все стоит облупленное, где между купеческими особняками втиснуты особняки новых хозяев жизни... И глупо спрашивать, почему так. Понятно почему – денег нет, денег нет, денег нет. Или они были, но срочно надо было истратить их на что-то другое. Куда более важное, чем отвалившаяся штукатурка со здания реального училища. А сохранились бы все церкви, которые успели разрушить в советские времена? Представляете, какой огромной суммы не хватало бы сейчас на их реставрацию? Какие бы сейчас начались крики о том, что гибнет рязанский Суздаль? Так что... Зато тихо. Провинция. Не то чтобы глухая, но туговатая на ухо.

уцелел и жил в Переделкине. Сначала-то он был одним из руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей и главным редактором журнала «Театр и драматургия», а потом вдруг написал пьесу «Ложь», которая не понравилась Сталину. С Александром Николаевичем в Переделкине никто не общался, кроме Бориса Пастернака, которому нравилась афиногеновская пьеса «Машенька» – ее после смерти Афиногенова сыграли несколько тысяч раз в советских театрах и даже сняли фильм, который забыт точно так же, как и пьеса, а если кто и вспомнит, то наверняка перепутает с «Машенькой» Набокова, который и вовсе не пьеса, а роман. Осталась только дружба Афиногенова с Пастернаком. Не так мало, если разобраться.

Вернемся, однако, в Скопин. Через год после открытия театра «Труд» в городе заработало сразу два музея – краеведческий и санитарный. Первый просуществовал до пятьдесят шестого года, пока при Хрущеве музеи не стали укрупнять, а второй до сорок первого, когда его закрыли из-за недостатка средств.

Все, что в Скопине было не театр, не музеи, не горный техникум, открытый в тридцать втором, не учительский институт, открытый в тридцать девятом, и не гончарное дело, которое превратилось за первые два десятилетия новой власти в изготовление обычной глиняной посуды, называлось «добыча угля». В тридцать шестом году скопинские шахтеры добыли почти полмиллиона тонн топлива. Расцвело огородничество. По обе стороны Вёрды рос сладкий скопинский лук. В год, бывало, собирали до двух с половиной тысяч тонн этого лука, который отправляли в Москву, в Ленинград и даже за границу. И это все при том, что в Скопине никогда не было ни одного корейца.

В тридцатые скопинские гончары объединились в артель «Красный кустарь», хотя и продолжали работать каждый сам по себе. Перед войной, в тридцать девятом, стали строить современную гончарную мастерскую, чтобы делать не только посуду, но и художественную керамику. Надо было торопиться со стройкой, пока живы были старые мастера. Посуда получалась очень прочная. Испытывали ее просто – бросали об пол с двухметровой высоты. Районная газета писала, что по прочности скопинская посуда не уступала чугуну.

В ноябре сорок первого Скопин стал прифронтовым городом. Немцы смогли взять его всего на два дня. Отбили город морпехи. Фактически Скопин был одним из первых городов, которые освободили еще до наступления под Москвой. Потом были еще четыре года войны, танковая колонна на средства шахтеров, двенадцатичасовой, а то и четырнадцатичасовой рабочий день, двадцать семь скопинцев – героев Советского Союза, шесть полных кавалеров орденов Славы и больше половины не вернувшихся с фронта.

Одиннадцать тонн колбасы и сосисок

После войны снова добывали уголь. Добывали, добывали, добывали – до тех пор, пока он не стал кончатся. Геологи поскребли по сусекам и нашли еще. Пока добывали, построили стекольный завод. Варили на нем силикатное стекло для получения стеклоблоков. Тех самых стеклоблоков, которыми так любили пользоваться советские архитекторы и которые так любили разбивать хулиганы. Их использовали и при строительстве стадиона в Лужниках, и при строительстве санаториев в Сочи. Где их только, к сожалению, не использовали.

И все же главными в городе были шахтеры. Они зарабатывали больше всех. К примеру, в пятьдесят шестом году в Скопине продали сто одиннадцать тонн колбасы и сосисок. Это получается, если пересчитать на все население... почти по семь килограмм на брата. Не бог весть что, конечно, но если исключить младенцев, то килограмм по десять все же будет. Почти по семьсот граммов в месяц. Такая цифра и сейчас неплохо смотрится. Ведь еще столько же и даже чуть больше приходилось на каждого рыбы, сливочного масла и кондитерских изделий.

В пятидесятые снова вернулись к гончарам. Пока думали и гадали, как возродить это искусство, а не просто изготовление глиняной посуды, мастеров из тех, что могли передать

свой опыт, осталось всего двое, один из которых работал на шахте. Глину месили ногами, обжигали в дровяной печи, а глазурь делали все так же из свинца. В пятидесятых построили новый керамический цех. Проще говоря, барак, в котором установили новые большие печи для обжига и наконец-то стали вращать гончарные круги с помощью электромоторов. Появились литейщики, глазуровщики, шлифовщики, ученики, главный инженер, директор и план, который нужно было выполнить и перевыполнить. Стали изделия скопинских мастеров появляться не только в посудных магазинах, но и на всемирной выставке в Брюсселе.

Шахтеры тем временем без устали добывали уголь, наращивая его добычу, – словно хотели поскорее добыть все до конца. Стекольщики освоили выпуск цветных стеклоблоков. Их выпускали миллионами. Не было у нас на заводах и в конторах курилки или сортира, которые не были бы отгорожены этими стеклоблоками. В семидесятые стекловальщики освоили выпуск хрустала. Простого советского хрустала, без которого ни один сервант, ни одна горка были у нас невымыслимы. Все эти вазочки, вазы, конфетницы и фужеры. Все то, чего теперь принято стесняться людям интеллигентным. У нас дома скопинская ваза стояла на пианино. Украшала его. В ней ничего нельзя было хранить. Только время от времени осторожно протирать пыль. По праздникам или к приходу гостей в нее осторожно клали фрукты и осторожно их оттуда брали. Мама всем говорила, что это чешский хрусталь, богемское стекло³⁸. И все смотрели на вазу и на маму уважительно.

Шахтеры тем временем рубили, рубили уголь и наконец в шестидесятые дорубились до того, что он кончился. Часть шахтеров, не желавших терять высокие заработки, уехала в Донбасс, а оставшиеся стали переучиваться и работать на других предприятиях. Машиностроительный завод делал запчасти к автомобильным амортизаторам, потом сами амортизаторы, подвески, дверные упоры и какие-то еще пружинки, которые мы не будем здесь даже и вспоминать. Теперь это отдельное предприятие, которое называется автоагрегатным заводом. Оно самое большое в городе. Как и все большое – рыхлое и не очень здоровое. Еще бы ему таким не быть, если делает оно запчасти к тольяттинским автомобилям. Есть еще завод горно-шахтного оборудования, который упорно продолжает выпускать ленточные и скребковые конвейеры для транспортировки угля при добыче... Не знаю, кто их покупает теперь, в двадцать первом веке, эти конвейеры.

Нет, я не буду тебе, читатель, рассказывать, как все в одночасье рухнуло и теперь медленно поднимается с колен. Об этом ты и без меня знаешь. Небось колени-то не казенные, свои. Лучше я расскажу тебе про керамику. Она по-прежнему хороша и радует глаз. В Скопине даже проходил международный фестиваль гончарного искусства. Там надеются, что не последний. Там дети приходят в музей, чтобы сесть за длинный стол, взять в руки комок глины и начать из него лепить... да что хочешь, то и лепить. Хочешь рыбку, хочешь птичку, хочешь дракона, хочешь Полкана, хочешь мышку, а хочешь лягушку. Кстати, о лягушках. В местном музее гончарного дела я купил такую веселую и такую красивую лягушку... даже пожалел о том, что я не Иван-царевич.

Январь 2017

БИБЛИОГРАФИЯ

Соболев В. А., Егоров В. Н., Крылов А. Ф. Скопин: Историко-краеведческие очерки о городе Скопине и населенных пунктах Скопинского района. Скопин, 1996. С. 140.

Коростелев В. А., Российский М. А. Прошлое скопинской земли в очерках по истории ее сел и деревень. Т. 1. М.: Вече, 2017. 752 с.

Коростелев В. А., Российский М. А. Прошлое скопинской земли в очерках по истории ее сел и деревень. Т. 2. М.: Вече, 2017. 736 с.

³⁸ Я бы и теперь думал, что наша ваза была из богемского стекла, кабы не увидел точно такую же на фотографии в одной краеведческой книжке про Скопин.

Материалы географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба.
Рязанская губерния. СПб., 1860. 570 с.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ПУДОВ БУЛАВОК

Если ехать в поселок Пронск не с севера, из Рязани, а с юга, из Скопина, то как раз перед переездом через реку Проню будет указатель на сельское поселение Октябрьское. Оно уже сто лет как Октябрьское, а до этого еще не одну сотню лет называлось Дурным. Назвали его так то ли по фамилии начальника сторожевой вышки Дурнова, который еще во времена Ивана Грозного служил в этих местах и громче всех кричал «Татары! Крымские!», то ли потому, что через эти места проезжал какой-то большой барин и, когда его тарантас утонул в тине на берегу реки Керди, воскликнул: «О, какое дурное место!» Ну, версия про дурное место, как мне кажется, не выдерживает никакой критики. Какой же русский барин будет так витиевато восклицать, когда у него тарантас... Впрочем, я не о том. После Октябрьского переворота жители села поняли, что настал момент, когда название села можно легко поменять, и поменяли. С тех самых пор жителей села... Нет, не зовут октябрятами. Как звали дурнашами – так и продолжают звать. В краеведческом музее Пронска мне сказали, что дурнаши... Ну что с них взять, когда даже язык у дурнашей отличается от нормального. К примеру, мы говорим – жмурки, а дурнаши – кулючки, мы – классики, а дурнаши – сигушки, мы – прятки, а дурнаши – хоронилочки. И это только детские слова, а если говорить о взрослых...

Покровский бугор

Все это, однако, было предисловие, которое к предмету моего рассказа не имеет отношения, а просто лежит рядом, в десятке километров от Пронска. В Октябрьское я не поехал, а повернул направо и отправился в пронский краеведческий музей, который стоит в самом центре Пронска. Сам Пронск стоит на реке Проне, в которую впадают реки Мокрая Молва, Сухая Молва и Галина. В Сухую Молву впадает река Марина, чтобы Галине не было так одиноко среди двух молв. Или молвей. Есть еще у Прони приток под названием Ранова, а у Рановы, в свою очередь, два притока – Полотебна и Сухая Полотебна. Сухую Молву я себе еще могу представить. Это молва без подробностей. Просто молва. Попробуйте представить себе Сухую Полотебну... Да хотя бы просто Полотебну. То-то и оно... И это все вокруг крошечного Пронска, в котором населения около пяти тысяч человек. Это по переписи, а на самом деле в три раза меньше. Если не больше. Правду говоря, Пронск и всегда был маленьким – все без малого девятьсот лет своей долгой и бурной истории, которая напоминает давно потухший вулкан в океане – на поверхности остался только крошечный островок, а все остальное скрыто под темной водой прошлого.

Люди селились в этих местах с незапамятных времен. Пронск, если говорить о названии, является двоюродным братом Брянска. Оба названия родственники слову «дебри», которые, как известно, густой лес. С другой стороны, гидроним Проня в переводе с языка вятичей, как говорят нам одни ученые, означает болотистое место. Другие ученые говорят, что Проня, а за ней и Пронск – производные от мордовского «пря», что значит голова. Оставим ученых – им интересно спорить, а не выяснить, как оно было на самом деле. Заберемся на крутой берег Прони, на Покровский бугор, на высоту сто метров, на то место, где был заложен Пронск, или Пронеск, или Прынск, или Пронь, как называли его в русских летописях. Впервые он был в них упомянут под 1137 годом, а до этого жил в неизвестности – сначала как поселение вятичей, а до них – волжских финнов, а до финнов – предков муромы и мешеры, а до них, еще в железном веке, – каких-то неизвестных людей в звериных шкурах, собиравших по окрестным лесам грибы, ягоды, ловивших в Проне рыбу и умевших быстро убежать от медведей.

Строго говоря, известный нам Пронск строился на Покровском бугре тогда, когда внутри этого бугра уже лежали и ждали будущих археологов несколько городищ. Если говорить еще строже, то Никоновская летопись пишет в 1131 году: «Того же лета князи резанстии и пронстии и муромстии половець побиха». Тут о собственно Пронске ни слова, а только о его князьях, которые, скорее всего, зародились на этой земле еще раньше своей столицы. Ученые спорят... и пусть их. Через тридцать лет Пронск вновь упоминается в летописи – и вновь по такому же поводу, но уже в 1186 году летопись сообщает, что рязанские князья Роман, Игорь и Владимир попытались подчинить себе пронских князей Святослава и Глеба, которые в ответ на происки старших братьев «почаша град твердiti и ко обороне приготавливаться». Те, кому Пронск безразличен и для кого он является просто точкой на карте, и начинают историю города с этого года, а сами прончане ее начинают, понятное дело, с 1136 года.

Жизнь пронского княжества и его столицы до того, как в эти места в тринадцатом веке пришли полчища татарских завоевателей, делилась на несколько частей. Во-первых, непрерывная междоусобная и братоубийственная война с рязанскими князьями, во-вторых, война с половцами и печенегам, в-третьих, непрерывное лавирование между рязанскими и владими́ро-суздальскими князьями, которых хлебом не корми, а дай повоевать между собой с помощью прончан, и только в-четвертых – собственно жизнь.

Она была простой, поскольку на сложную времени не было, и все же кроме того, что пахали землю, растили хлеб, пасли скот, солили рыбу, выплавляли железо³⁹, плели лапти и ткали холсты, прончане успевали делать красивые разноцветные стеклянные бусы, занимались ювелирным делом и торговали, торговали, торговали. На территории Пронска археологи находили арабские дирхемы, кипарисовые крестики, кусочки янтаря, обрывки византийских тканей, обломки причерноморских амфор, кувшины из Хорезма... Короче говоря, представлять себе Пронск в виде нескольких деревянных избушек, топившихся по-черному, в которых жили дикие, бородатые, пропахшие дымом и кислой овчиной сиволапые мужики, хлебавшие лаптем щи, не стоит. Между прочим, некоторые историки полагают, что в Пронске вплоть до начала двенадцатого века действовало вече – общее собрание свободных горожан. Представляете себе ряд – Великий Новгород, Псков и Пронск? Практически Гомер, Мильтон и Паниковский.

Кстати, во второй половине позапрошлого века на одном из склонов Покровского бугра нашли клад из почти двух десятков серебряных киевских гривен и нескольких золотых пластинок. Понятное дело, что не такой большой, какие находили в Москве или в Рязани, но девять килограммов серебра и почти сто граммов золота кто-то из пронских купцов все же скопил и закопал на черный день.

За рязанским столом

Увы, черные дни у Пронска и его князей были регулярными. В уже упоминавшемся 1186 году рязанские князья задумали хитростью извести младших братьев и позвали их на съезд, чтобы зарезать, или отравить, или задушить, или... Пока рязанцы мучились выбором, пронские князья, узнав от верных людей повестку дня этого съезда, вместо того чтобы приехать в Рязань и принять участие в собственных похоронах, начали срочно укреплять свою столицу. Пронск был, по нынешним меркам, городком крошечным – он занимал площадь в семь гектаров. Старая Рязань, к примеру, в то же самое время была почти в восемь раз больше. Несмотря на то что место, которое занимал Пронск на Покровском бугре, было неприступным, город оказался уязвим – на вершине бугра не было источников воды. Оборонять Пронск можно было успешно, но недолго. Пронские князья об этом, мягко говоря, догадывались и потому зара-

³⁹ В окрестностях Пронска довольно много болотной руды. Ее так много, что в некоторых местных ручьях и речушках вода рыжая от содержащихся в ней окислов железа. У четырех рек даже есть притоки с одноименным названием Ржавец.

нее пригласили к себе на подмогу триста владими́ро-суздальцев из дружины великого князя Всеволода Большое Гнездо. Рязанцы, узнав о том, что на помощь Пронску идет войско, сняли осаду и отправились домой. Пронский князь Всеволод на радостях отправился в Коломну, где был в те поры Всеволод Большое Гнездо, сообщить о снятии осады. Пронск он оставил на попечение своего брата Святослава. Рязанцы, узнав об этом от верных людей, быстро повернули обратно, осадили Пронск и отрезали осажденных от воды. Пришлось Святославу и его боярам сдаваться. Если бы не войско Всеволода, их бы всех и... но угроза новой войны с Владимиро-Суздальским княжеством Рязани не улыбалась ни разу. Пленников выпустили и сели за стол переговоров, которые кончились новой войной. На стук мечей, свист стрел и запах крови с юга пришли половцы и напали на Рязанское княжество. Рязанские князья от бессильной злости скрипели зубами так, что слышно было в Пронске. Пришлось им признать вассальную зависимость от Всеволода Большое Гнездо и оставить в покое пронских князей Святослава и Глеба... на двадцать один год. Больше они не вытерпели.

Новая война началась с ложного доноса Всеволоду на пронских князей. Всеволод разбиться не стал, быстро взял их в плен и отправился в поход на Рязань, а по пути решил наведаться в Пронск. Молодой пронский князь по имени Кир-Михаил, как только узнал, что на подходе дружина Всеволода, ускакал в Чернигов к тестю, тоже князю и тоже Всеволоду, но Чермному. Жители Пронска, узнав о том, что их князя и след простыл, собрались на вече и, после того как стихли крики «Пора валить!», пригласили княжить Изяслава Владимировича, который был сыном одного из рязанских князей Владимира Глебовича и приходился им всем племянником, но это ничего не значило, поскольку все воевали против всех. Собственно, его и приглашать-то не надо было – он вместе со всеми был осажден в Пронске. Изяслав стал руководить обороной города, осажденного Всеволодом Большое Гнездо. Воды, понятное дело, не хватало, но отважные прончане совершали за ней вылазки. Летопись по этому поводу сообщает: «Они же бьются излазяци из града не брани деля, но жажды ради водныя. Измираху бо мнози людье в граде...» Совершали они вылазки, совершали...

...слушаешь, как неторопливо рассказывает тебе экскурсовод об осаде Пронска в маленьком, со скрипучими полами, краеведческом музее, смотришь в высокое окно на тихий, безмятежный поселок, на засыпанные снегом сады и огороды, на лежащую подо льдом Проню, на чернеющие точки рыбаков, сидящих у своих лунок, представляешь себе дым пожарищ, тучи стрел, камни, летящие в лезущих на стены дружинников Всеволода Большое Гнездо, крик, вой, ругань и думаешь – нет, этого и быть здесь не могло. Вот так годами и десятилетиями воевать за горсть разбросанных по склону холма одноэтажных домиков, продуктовый магазин, автозаправку, шиномонтаж и районную больницу на несколько десятков коек...

...и через три недели сдались. Пить хотелось очень. Может, они бы и не сдались, но рязанский князь Роман, которому жители Пронска в этой войне были невольные союзники, потерпел неудачу, напав на ладьи, подвозившие по Оке продовольствие Всеволоду. Как только последний накормил войско и взял Пронск – так сразу и двинул его на Рязань, оставив в городе княжить муромского князя. Воевали еще три года, сожгли дотла Рязань и замирились. В Пронск из Чернигова вернулся Кир-Михаил, о котором горожане стали уже забывать.

Мира хватило ровно на шесть лет. Умерли старшие Глебовичи, и снова надо было распределять уделы в великом княжестве Рязанском. Какое же распределение без интриг, скандалов, кубков с отравленным медом и кинжалов за спиной. Рязанские князья Глеб и Константин Владимировичи пригласили пронских князей и всех своих двоюродных братьев в село Исады в семи километрах от Старой Рязани на съезд. На этот раз готовились к съезду серьезно. Ни одна муха не вылетела из Исад и не долетела до Пронска, чтобы рассказать о приготовлениях Глеба и Константина к приему братьев. В конце июня 1207 года братья приехали в гости к братьям. Шестеро князей и сопровождавшие их бояре и дворяне. Во время пира в княжеском шатре их всех и убили приглашенные для этого половцы. Уцелел только один – Ингварь Игоревич,

опоздавший явиться к назначенному времени. Он-то и сумел в ходе последующих боевых действий разбить Глеба, Константина и половцев, которых они призвали на помощь.

В Пронске стал княжить Кир-Михайлович, сын Кир-Михаила, который управлял Пронском до того момента, как под городскими стенами появились татары и монголы под водительством Батыея. Понятно, что рязанским князьям никто не помог – ни из Владимира, ни из Чернигова. Понятно, что все думали: а нас-то за что? Понятно, что все думали, что за ними не придут. Понятно, что ни к рязанским, ни к пронским, ни к муромским князьям никто никаких симпатий не испытывал.

Сначала объединенную рязанскую дружину полчища Батыея разбили в поле, а потом, когда князья с остатками дружин разбежались по своим городам, татары подошли к Пронску, который был южными воротами Рязанского княжества. Татарам понадобилось ровно три дня, чтобы взять город, разграбить его и сжечь дотла. Князь Кир-Михайлович вместе с ближними людьми успел убежать в Суздаль, где, выпучив круглые от страха глаза, рассказывал об осаде владимирскому князю Юрию Всеволодовичу. Тех же прончан, кто убежать не успел, татары убили, только ремесленников угнали в плен.

Через два года, в 1239-м, ордынцы пришли снова – и снова сожгли и разграбили только начавшие оправляться после прошлого разграбления и пожара Пронск, Рязань и Муром. Еще через восемнадцать лет ханские баскаки переписали все население Рязанского княжества. В том числе было переписано и население Пронского княжества. Началась жизнь под Золотой Ордой. Она была сложной. Нелегко пришлось пронским князьям – с одной стороны Орда, с другой стороны рязанские князья, с третьей стороны появились (и, как оказалось, навсегда) московские князья, а с четырнадцатого века ко всем бедам прибавилась и четвертая сторона – литовцы. Вот и крутись тут как хочешь... С одной стороны, у Орды надо ярлык на княжение получить. С другой стороны, надо дань собрать и в Орду отвезти. С третьей стороны, ненависть рязанских князей к пронским и наоборот никто не отменял. Татары с монголами отменять ее не собирались, а тоже наоборот.

В 1339 году рязанский князь Иван Иванович по прозвищу Коротопол⁴⁰ перехватил по дороге в Орду пронского князя Александра Михайловича, который вез туда собранные подати. Вез самостоятельно, а не передал через Ивана Ивановича, которому все это настолько не понравилось, что он отнял у пронского князя все то, что было нажито непосильным трудом пронских смердов, отвел князя в Переяславль-Рязанский и там велел убить. Не прошло и трех лет, как сын убитого Ярослав Александрович добился в Орде ярлыка на рязанское княжение⁴¹. Подъехал он к Переяславлю-Рязанскому и осадил его. Да не один, а с ханским послом Киндяком, который тоже был не один, а с военным отрядом. Князь Коротопол затворился в городе и целый день отважно сражался, а ночью взял ноги в руки и ускакал куда глаза глядят. Новоназначенный князь вместе с Киндяком вошли в город и, как водится, устроили погром. Часть жителей ордынцы увели в неволю.

Вся эта чехарда с рязанским столом длилась долго – то рязанские князья одолеют пронских, то пронские рязанских. Несмотря на постоянную грызню с рязанцами, несмотря на ежегодную выплату дани Орде, Пронское княжество во второй половине четырнадцатого века так усилилось, что в конце четырнадцатого и начале пятнадцатого века там стали чеканить собственную монету и в летописях Пронское княжество даже именовалось великим⁴².

⁴⁰ Не знаю, почему Коротопол. Быть может, потому, что у его одежды полы были короткие и вечно из-под фрезы торчал кафтан. Или из-под епанчи охабень. Короче говоря, неприлично он смотрелся.

⁴¹ Пусть к теме моего рассказа о Пронске это и не имеет отношения, но интересно: кто надоумил товарищество «Эйнем» в 1908 году дать шоколаду и какао-порошку названия «Золотой ярлык» и «Серебряный ярлык»? Думаю, ордынцам такая штука понравилась бы, а вот насчет русских князей не уверен. Они бы такой шоколад и в рот не взяли.

⁴² В книге И. Н. Юхиной «Пронская земля» я вычитал, что «При дворе пронских князей ведется летописание: исследователям известно о существовании „Летописца Пронского“». Смutil меня оборот «исследователям известно о существовании»,

Кончилась вся эта борьба рязанских князей тем, что победили московские. За несколько лет до Куликовской битвы пронский князь Владимир Дмитриевич попал в вассальную зависимость от московского князя Дмитрия Ивановича, который тогда еще не был Донским...

...Стоит только на минуту представить, что Москва промахнулась бы, как Акела, что пронские князья, как не раз бывало, одолели бы рязанских, а потом, уже двумя княжескими столами – пронским и рязанским, наехали бы в восемь ног на московский стол – и тогда Пронск мог бы стать... но не стал, и мы теперь не катаемся в него из Москвы работать охранниками или штукатурами, не роем в Покровском холме туннели метро, не загрязняем до смерти Проню, в которой до сих пор водится рыба, не коптим дочерна небо над садами и огородами...

...но уже успел разгромить мурзу Бегича в битве на реке Воже при самом активном участии пронского князя Даниила Дмитриевича, возглавлявшего полк левой руки. Через два года почти семь десятков пронских и рязанских бояр со своими дружинами принимают участие в Куликовской битве.

Пока летописцы и поэты описывают подвиги русского воинства в «Задонщине» и в «Сказании о Мамаевом побоище», неутомимые пронские и рязанские князья... опять берутся за старое. В самом начале пятнадцатого века пронский князь Иван Владимирович, получив ярлык на княжение в Орде, исхитрился прогнать великого князя рязанского Федора Ольговича и сесть на обоих стульях – пронском и рязанском. Это напугало московского князя Василия Дмитриевича, и он замирил обоих князей, а слишком активного Ивана Владимировича отправил княжить домой в Пронск. Тот княжил, княжил, да и умер в 1430 году. Его сыновья Федор, Иван Нелюб и Андрей Сухорук правили в Пронске еще четверть века. В 1455 году рязанский князь Иван Федорович навсегда присоединил Пронское княжество к Рязанскому, а сами пронские князья собрали личные вещи, сели на коней и отправились на службу к московскому князю⁴³.

Пятьдесят шесть пушек и сорок две пищали

Еще через восемьдесят лет и Рязанское княжество вместе с Пронском отошло к Москве. В договорной грамоте Юрия Дмитриевича Московского и Ивана Федоровича Рязанского было записано: «Тебе, великому князю Юрию Дмитриевичу, отчины моей княженя Рязанского, Переяславля и Пронска по реку Оку блюсти подо мною... А со князем еси с Пронским и с его братиею любовь взял; а что ся промеж нас учинить, ино меж нас управить тебе Великому князю».

Вот так закончились несколько сот лет нелюбви – взятием любви с князем и с его братиею... И попробуй только ее не взять, когда за тобой зорко присматривают из Москвы.

К середине шестнадцатого века оказался Пронск крайним. В том смысле крайним, что стоял на самой южной границе Московского государства. Ну а раз на границе, то и служба ему выпала пограничная. Золотая Орда к тому времени приказала долго жить, но остались крымские татары и ногайцы, которые регулярно набегали и быстро отбегали, унося в своих загребущих руках все, что было нажито непосильным крестьянским трудом, и увозя самих наживателей на невольничий рынок в Кафе. В 1535 году из Москвы приехали в Пронск два князя – Кашин-Оболенский и Туренин, назначенные пронскими воеводами. Два потому, что

и стал я искать в сети упоминания об этой летописи. И нашел. В коллективной монографии «В поисках истины: ученый и его школа» написано, что «Пронский летописец» упомянут в каталоге рукописей из библиотеки Александра Ивановича Сулакадзева – известного в девятнадцатом веке фальсификатора древних рукописей (того самого, который придумал красивую историю о никогда не существовавшем первом русском воздухоплателе Крякутном). Сулакадзев даже приписал, что «Пронский летописец» содержал в себе 172 листа. Понятное дело, что в руках «Пронского летописца» никто никогда не держал. С другой стороны – пусть хотя бы так, в каталоге Сулакадзева, чем вообще никак.

⁴³ Род пронских князей угас в Москве в середине семнадцатого века.

один воевода всегда оставался в крепости и руководил в случае нужды обороной, а второй выступал с частью гарнизона в поход на помощь другим городам Засечной черты, в которую входил Пронск, или для наступления на пятки убегающим татарам и ногайцам.

Для начала надо было пронскую крепость привести в порядок. Привели в порядок, а практически построили заново, так, что в течение двух столетий ее и взять никто не смог. Одних бойниц в стенах было больше пяти сотен. Из них выглядывали пятьдесят шесть пушек и сорок две пищали. Стены толщиной пять метров, десять башен, ров вокруг крепости шириной двенадцать метров и глубиной шесть, заполненный водой и ядовитыми южноамериканскими жабами, купленными за несусветные деньги у испанского короля, да за рвом надолбы, которые представляли собой заостренные бревна, вкопанные под острым углом к атакующим, да еще три с половиной тысячи железных ядер к обычным пищалам и восемь пудов ядер к легким затинным пищалам, да сто пятнадцать стрельцов, да три сотни городских казаков, да дюжина пушкарей, да два с лишним десятка защитников, живших в специальной Защитниковой слободе, да тридцать два плотника, постоянно что-то подтесывающих, подстругивающих и подпиливающих во всех этих башнях, стенах и воротах. И еще. Не прошло и пяти сотен лет, как решили вырыть колодец и накрыть его Тайницкой башней.

Если же говорить собственно о городе Пронске, то он тоже был, но напоминал месячного детеныша кенгуру в сумке матери. Все городское в нем было подчинено военному. Понятное дело, что в крепости была церковь. Под ней, кстати, в глубоком подвале хранились запасы пороха и ядер, а кроме церкви шестьдесят дворов, принадлежащих разным начальникам из дворян и детей боярских. Понятное дело, что был царев кабак, в котором пушкари после удачного выстрела могли выпить меда или пива, приказная и таможенные избы и торг с сорока девятью лавками и одной полулавкой⁴⁴. Весь этот торговый и развлекательный центр принадлежал казакам, стрельцам и затинщикам, которые большей частью жили в слободах вокруг крепости.

Как все приготовили – так стали ждать татар и ногайцев. Собственно говоря, даже и не успели толком их подождать, как они явились и появлялись на протяжении только шестнадцатого века в этих местах тридцать шесть раз, то есть каждые два с половиной года. Это в составе крупных, многотысячных бандформирований, а в составе мелких, с целью угнать козу или корову, постиранные порты, висащие на заборе, обожраться на огородах горохом и вылечат все щи из горшка, который не успели спрятать, приходили, почитай, каждый божий день.

В 1541 году крымский хан Сагиб-Гирей во главе стотысячного войска, в составе которого были и турки, и поляки, дошел до Зарайска, где его настолько неприветливо встретили зарайский воевода и своевременно подошедший полк под командованием князя Турунтая-Пронского, что он вынужден был повернуть назад. Просто так, несолоно хлебавши, ему уходить не хотелось, и он осадил Пронск. Вернее, сначала предложил городу сдаться. Пронский воевода Василий Жулебин был человеком набожным и во всем полагался на волю Божью. Потому и ответил Сагиб-Гирею: «Божией волею ставится город, и никто не возьмет его без воли Божией», – а чтобы воля Божья поскорее исполнилась, приказал гарнизону крепости и всем, кто в ней был, стрелять в наступающих татар из всех пушек, пищалей и поливать их кипятком. И делали они так двое суток без передышки, до тех пор пока Сагиб-Гирею разведка не донесла, что на подходе русские полки, идущие на выручку осажденным. Тут татары решили не испытывать судьбу, сняли осаду и отступили на юг.

Через девять лет после этой осады татары снова... и еще через девять лет... и через четыре года... и через три... и так до самой Смуты, когда они стали приходить еще чаще и

⁴⁴ Полулавкой она называлась не потому, что в ней сиделец был не муж, но мальчик, и не потому, что торговали в ней только по четным дням, и не потому, что обсчитывали лишь каждого второго. Вовсе нет. И торговали каждый день, и обсчитывали всех подряд. Просто лавки были длиной в две сажени, а полулавки в одну. То есть двухметровые.

даже в 1613 году исхитрились сжечь дотла пронский посад, хотя город так и не смогли взять. В 1626 году пронская крепость пострадала... от собственных защитников. Так пострадала, что пришлось писать челобитную в Москву, в Разрядный приказ. На Святой неделе, в понедельник, пронские стрельцы, вместе с пронскими же пушкарями, воротниками, плотниками, дворниками с одной стороны, и пронские казаки с другой устроили кулачный бой. Сначала бились кулаками под городской стеной. Потом кто-то кинул со стены камень, потом еще три, потом много, потом казаки стали выламывать бревна из стены, потом городские выломали бревна из той же стены, но сверху и стали на казаков бросать, потом кто-то трезвый догадался послать за воеводой Федором Киселевым и казацким головой Дмитрием Леоновым, потом «...они к нам выехав, тово лесу городовому ломанова смотрели с нами вместе. И мы, холопи твои, о том Фёдору Киселёву говорили, что делается не гораздо... И Фёдор начал с нами говорить, станем де мы тех людей сыскивать, которые так своровали. И апреля, государь, в 14 день приезжал к нам... в съезжую избу Фёдорка Селев и привёл с собою, сыскав, стрельца Оношку Желонина и нам его отдал. И мы... тово Оношку расспрашивали, для чего город ломал. И он перед нами повинился, сделал де я то под хмелью».

В 1630 году, после целого ряда просьб и челобитных, порядком обветшавшую от частого употребления пронскую крепость, а заодно и сам город решено было перестроить. И вовремя, поскольку через три года Пронск осадил тридцатитысячный отряд крымских татар. Штурмовали они Пронск, штурмовали... и ушли несолоно хлебавши. Больше неприятеля под своими стенами Пронск не видел.

Вообще говоря, пронские служилые люди воевать умели. Отряд пронских казаков-добровольцев под командой атамана Петруши Пронца принимал участие в Ливонской войне и отличился при взятии крепости Смелтина, за что был пожалован царем. И атаман, и казаки. Пронские ратники «вольными охочими людьми» в составе большого войска ходили воевать крымских татар в низовья Дона, записывались во вновь создаваемые полки в качестве рейтаров, драгун и просто солдат. В Москве прончане были на хорошем счету. Их представителей даже приглашали на земские соборы. Выбирали они Бориса Годунова на царство и в годы Смуты принимали участие в создании Первого и Второго земских ополчений. С ними советовались и тогда, когда обсуждали вопросы пограничной службы.

С ополчениями, правда, не все было просто. Поначалу Пронск принял сторону Самозванца, и в нем в большом количестве завелись поляки, но потом город одумался, выгнал их и даже выдержал польскую осаду, правда не без помощи прибывшей на помощь дружины князя Пожарского. Во время этой осады в Пронске укрывался Прокопий Ляпунов. То есть сначала Пронск захватили призванные поляками малороссийские казаки, которые захватывали все, что захватывается, потом Ляпунов отбил у них город, чтобы отдать его в руки королевича Владислава, призванного на царство Московской боярской думой, а уж потом, когда королевич стал медлить с приездом, когда Ляпунов передумал отдавать ему Пронск, когда уже все вокруг перестали понимать, против кого надо дружить и кому присягать, пришлось отбиваться и от поляков, и от сторонников Тушинского вора, и от малороссийских казаков. Тот момент, когда Ляпунов разговаривает с освободившим его Пожарским, изображен на центральной части триптиха рязанского художника Евгения Борисова. Триптих огромный и занимает всю стену одного из залов Пронского краеведческого музея. Правая часть картины изображает родину-мать жену художника с суровым лицом родины-матери в дорогой собольей душегрейке, в парчовой на маковке кичке, рядом с ней, наряженный в желтый кафтан с прорезными рукавами, стоит мюлдей боярин то ли племянник, то ли более дальний родственник художника, рядом с более дальним родственником стоит на задних лапах вовсе не родственник и держит в зубах обломок стрелы... Чья собака, не знаю. Экскурсовод, как я его ни пытал, про собаку не сказал ничего. Сказал только, что вокруг жены художника, изображая священника, первого, второго и третьего стрельцов, стоят родственники художника по линии жены.

Вернемся, однако, в Пронск Смутного времени. После того как распалось Первое ополчение, Пронск был на два года захвачен сторонниками атамана Ивана Заруцкого, который поставил в крепости своего воеводу. В 1613 году Пронск осадил отряд Второго ополчения под водительством князя Волконского. Как только ополченцы захватили посад, сторонники Заруцкого сдались, и пронский воевода был взят под арест. Никто тогда, в марте 1613 года, и подумать не мог, что перевернута, говоря языком литературных штампов, последняя страница бурной, полной драматических событий военной истории Пронска.

В последней четверти семнадцатого века мы застаем пронскую крепость сильно обветшавшей. Тайницкая башня, в которой был драгоценный колодец на случай осады, во время пожара горела и обвалилась. Если сравнивать с тем, что было сто с лишним лет назад, то количество стрельцов уменьшилось в два раза, а казаков и вовсе в семь раз. Зато прибавились беглые стрельцы и казаки с Дона. Дошло до того, что пронский воевода писал и писал челобитные в Москву, в которых просил и просил прислать в Пронск вестовой колокол, а из Москвы ему... Пронский вестовой колокол, пришедший в негодность после пожара 1681 года, был отправлен в Пушкарский приказ, а в городе «по вестям и в пожарное время бить не во что, и градским людям ведомости вскоре подать непочему. А пожары в Пронску чинятся почасту, а посады, государи, градских всяких чинов жителей отдалены, а без вестового колокола в городе Пронску быть невозможно...». Что же касается самого города, то про него отписано, что «сгорел и после пожарного времени зачат да вновь...».

«В серебряном поле стоящий старый дуб»

При Петре Великом Пронск в результате нового административного деления стал уездным центром Переяславль-Рязанской провинции Московской губернии. Да, именно так все называлось – сложно и неудобнопроизносимо. Простые времена кончились. Простые в административном смысле. Командовал уездом земский комиссар. Все посадское население перестало подчиняться воеводе и получило права самоуправления. Нужно было из своей среды выбрать бурмистров, которые решали все дела в земской избе. Был еще и президент земской избы, должность которого по очереди исполняли бурмистры. И все это было бы прекрасно, кабы в Пронске существовало посадское население – купцы, мещане, ремесленники. Но его почти не было. Были пушкарки, были стрельцы, были затинщики, были казаки, а купцов... Конечно, жены стрельцов, пушкарей и казаков торговали излишками укропа и репы, выращенных на своих огородах, но купчихами их называть было бы неправильно. Понятное дело, что Петра Алексеевича все эти житейские мелочи, совершенно не различимые из Петербурга даже в сильную подзорную трубу, не волновали. Когда купцов было велено разделить на гильдии, когда бурмистерские избы, только начавшие работать, были заменены городским магистратом... тогда в Пронске поняли, что новый царь не отвяжется, и наскребли у себя по сусекам чуть больше трех десятков посадских людей. Магистрат в городе был такой, меньше которого нельзя было устроить, – он состоял из одного бургомистра и одного ратмана. При магистрате устроили канцелярию писцов, и тут... император приказал долго жить. Через три года после его смерти все нововведения были отменены, и единственным органом управления и суда в уездах вновь стал воевода.

И все же. Хоть и мало было в Пронске посадских людей, а один из них «Яков Козьмин сын Рюмин» в августе семьсот тринадцатого года подал царю челобитную с просьбой разрешить ему строительство чугуноплавильного завода в уезде на реке Истье. Все для того, чтобы устроить здесь такой завод, было – и болотная руда, которую здесь находили еще со времен вятичей, и залежи каменного угля. Петр так любил подобного рода челобитные, что подписывал их незамедлительно. Мало того, царь от щедрот приписал к заводу несколько сот крестьянских душ. Уже в октябре того же года, что по тем временам было третьей космической скоростью,

начали строить завод, а через год он был построен. Тут бюрократическая машина дала сбой, и пришлось ждать еще год, чтобы получить от Рязанского губернского правления разрешение начать выплавлять чугун и продавать его. В семьсот шестнадцатом году уже всю выплавляли чугун и ковали железо, а еще через год неподалеку от завода, в соседних селах, открываются игольные фабрики, учредителями которых были купцы Рюмин, Томилин и англичанин Боленс. Петр Алексеевич не оставил своим попечением и эти фабрики. В семьсот девятнадцатом году он подписал, как сказали бы теперь, протекционистский указ о таможенных пошлинах на иностранные иголки. Редкой, надо сказать, откровенности документ. В нем так и было написано: «...а продавать иглы во всем Российском государстве те, которые делаются на заводах Российских купецких людей Сидора Томилина и Панкрата Рюмина».

Стоило построить игольные фабрики – сразу потребовалась в большом количестве проволока для изготовления иглол. Тут же и построили еще две фабрики для вытягивания проволоки и одну катальню. С одной стороны, ничего особенного, даже по тогдашним европейским меркам, тут нет, а с другой... Вот так, чтобы от болотной руды до готовых иглол, у нас еще не было. Не в Пронском уезде не было, не в Рязанской губернии, а во всей Российской империи. Пятьдесят шесть лет семья Рюминых и их партнеры владели всеми этими заводами и фабриками. И все это время иголки исправно выпускались. Первые сто лет существования заводы Рюмина и Томилина и вовсе были единственными в России по выпуску иглол. В 1773 году заводы перешли к богатому помещику генералу Кириллу Петровичу Хлебникову, потом, как приданое за его дочьрью Анной, – к Дмитрию Полторацкому, а от него в 1842 году – к его сыну Сергею, который завез паровые машины и новое оборудование из Англии, Бельгии и Германии, выписал оттуда специалистов, выстроил новую домну, которая давала пятьсот пудов чугуна в сутки и мягкое железо, из которого тянули проволоку для изготовления игл. И все это время иголки продолжали исправно выпускать. К 1857 году игольная фабрика в селе Коленцы производила от ста двадцати до ста пятидесяти миллионов иглол в год и 150 пудов булавок. Фабрика, расположенная в соседнем селе Столпцы, выпускала семьдесят пять миллионов иглол. Тут, правда, есть одна тонкость. Дело в том, что для иглол высшего сорта привозили проволоку из Англии⁴⁵

⁴⁵ Взял я сто пятьдесят миллионов иглол одной фабрики и прибавил к ним семьдесят пять миллионов иглол другой – и получилось у меня, что на каждого жителя Российской империи в 1857 году приходилось почти по три швейные иголки из Пронского уезда. Стало мне интересно – сколько же иглол сейчас приходится на каждого жителя Российской Федерации? Искал я, искал и наткнулся на статью, в которой рассказывается о маленьком заводике по производству иглол в поселке Арти в Свердловской области. Оказалось, что этот заводик в нашей стране единственный. Больше швейные иглы не выпускает у нас никто. Его во время войны эвакуировали из Подольска – он и прижился на Урале. Оборудование у него старое, полувекковой давности, но все же работает. Выпускает этот завод размером с два или три школьных кабинета труда десять миллионов игл в год. Пишут, что эти иглы занимают около пятнадцати процентов российского рынка игл. Еще десять процентов продают у нас немцы, а остальные семьдесят пять процентов выпускает страна, которая выпускает все на свете. У нее иглы хоть и хуже качеством, но зато дешевле в пять раз. Издать указ, в котором было бы написано: «...а продавать иглы во всем Российском государстве те, которые делаются на заводах Российских купецких людей...», наверное, можно, но некому. И неизвестно, нужно ли. Получается, что на каждого из нас приходится вместе с китайскими и немецкими иголками примерно по половине иголки. Тут, правда, есть одна тонкость. Дело в том, что проволоку для наших российских иглол... привозят, как и триста лет назад, из Англии. Правда, по другой причине. Необходимую для производства иглол сталь после года экспериментов сварили в Белоречке. Сварили и сказали, что меньше вагона им смысла делать ее нет. Покупаете сразу вагон – тогда варим, но меньше вагона никак. В советское время в Белоречке тоже варили такую сталь, но тогда и речи не было, чтобы... Не было и все. Варили молча, потому что план, приказ и прогрессивка. (Правда, тогда выпускали триста миллионов игл в год.) Купить вагон дорогой стали заводик в Артях не может. Он может купить немножко, понаделать иглол, продать их и снова купить немножко стали. На таких условиях, чтобы купить немножко, чтобы проволока отличного качества, чтобы не по грабительской цене... согласны только английские капиталистические акулы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.